

18+

Александр
Березин-Таймырский

**БУДУЩЕЕ С ТОБОЙ,
ИЛИ НОВАЯ ЖИЗНЬ
МЭРИЛИН МОНРО**

Александр Березин-Таймырский

**Будущее с тобой, или Новая
жизнь Мэрилин Монро**

«Издательские решения»

Березин-Таймырский А.

Будущее с тобой, или Новая жизнь Мэрилин Монро / А. Березин-Таймырский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504595-9

4 августа 1962 года с величайшей актрисой двадцатого века Мэрилин Монро случилась трагедия, подробности которой властями США скрываются до сих пор. Общественности те события были представили как самоубийство. Хотя многие эксперты указывали на улики, говорящие о преднамеренном убийстве. По официальной информации Мэрилин Монро похоронили 8 августа, но похороны были тайными. А потом появилась информация, что убийство сорвалось из-за вовремя появившихся влиятельных свидетелей.

ISBN 978-5-00-504595-9

© Березин-Таймырский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Политические амбиции	6
Глава 2	16
Ночной клуб	16
Глава 3	18
Беженцы с Кубы	18
Глава 4	27
Крио-фирма «БУДУЩЕЕ с ТОБОЙ»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Будущее с тобой, или Новая жизнь Мэрилин Монро

Александр Березин-Таймырский

© Александр Березин-Таймырский, 2020

ISBN 978-5-0050-4595-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Политические амбиции

6 августа 1962 года в 14:00 по «Ленинскому» проспекту города Москвы на большой скорости мчался кортеж из восьми машин и двадцати мотоциклов. Впереди ехал жёлто-синий милицейский автомобиль Газ-21, синяя мигалка на крыше машины интенсивно мигала, а из двух мощных динамиков, расположенных по бокам мигалки, слышался пронзительный вой сирены, сдавливая до боли перепонки прохожим, оказавшимся в это время на тротуаре. Когда сирена на короткое время замолкала, то слышен был скрежет шин по асфальту. Следом за милицейским автомобилем мчались три чёрных ЗиЛ-111, за ними чёрный ЗиЛ-111Г и следом ещё три чёрных ЗиЛ-111. По бокам и сзади этих машин мчались двадцать чёрных мотоциклов Урал М-61, на которых торчали, словно неподвижные манекены, телохранители в чёрной кожаной форме и чёрных шлемах. В лимузине ЗиЛ-111Г ехал Председатель Совета министров СССР и по совместительству Первый секретарь ЦК КПСС, Никита Сергеевич Хрущёв, полный, лысый, среднего роста, 68 летний старик. Одет был Хрущёв в серый костюм из дорогого сукна, украинскую белую с синей вышивкой рубашку, коричневые ботинки, брюки держались на чёрном ремешке. У Хрущёва был довольно большой и отвислый живот, а брюки ему шили так, чтобы они закрывали весь живот, так что пряжка от ремня на брюках у него была на уровне солнечного сплетения, и потому, что его живот был дряблый, то сжатый брюками он казался прямоугольным, и можно было подумать со стороны, что Хрущёв у себя под брюками на животе спрятал чемодан. А вообще Хрущёв всегда одевался безвкусно, да и вёл себя безобразно по хамски, не заботясь о том, что о нём подумают другие люди. Конечно когда Никита Хрущёв ещё не был главным руководителем страны Советом, то перед вышестоящими руководителями он вёл себя более осмотрительно и выглядел тогда в их глазах как обычный пресмыкающийся шут, и поэтому часто подвергался с их стороны публичным насмешкам, а то, и грубому издевательству со стороны Иосифа Сталина, и Лаврентия Берии, за что потом мстил им даже уже после их смерти. Как и все советские руководители Хрущёв вдохновенно призывал других людей «затянуть потуже пояса», и потерпеть временно нужду, а сам шикаровал создавая коммунистический рай для себя, и своей семьи не дожидаясь лучших времён. Для него, как и для других советских руководителей, уровень благополучия определялся уровнем высоты служебного положения. И как только он занял посты главы правительства СССР и руководителя коммунистической партии Советского Союза, так сразу распорядился построить для себя особняк на «Ленинских» горах, и потом большую часть своего времени проводил в своём особняке, до тех пор разумеется, пока его не свергли, и не сослали под домашний арест на выделенную ему для отсидки дачу в Подмосковье. Хрущёв так же, став главой Советского государства, подобно Ленину и Сталину, стал коллекционировать за государственный счёт наиболее дорогие и престижные иностранные автомобили. Но поскольку тогда официальная идеология пропагандировала борьбу с капиталистическими излишками, то развезать на заграничных и тем более дорогих автомобилях на публике было проблематично. И для официальных поездок Советских руководителей использовались только автомобили советского производства. Когда Никита Хрущёв в 1959 году путешествовал по США, то там он купил себе лимузин Кадиллак Флитвуд 75 и просто помещался на этом автомобиле. А вернувшись в Россию, приказал конструкторам завода ЗиЛ создать что-то похожее. И зиловцы создали на основе автомобиля ЗиЛ-111 советский лимузин класса люкс, получивший название ЗиЛ-111Г, прозванный так же «Григорий». В данный момент Никита Сергеевич Хрущёв ехал на ЗиЛ-111Г из своего особняка на «Ленинских» горах, в свой рабочий кабинет в Кремле. Погода 6 августа в Москве в тот

год была солнечная, девятнадцать градусов по Цельсию, но Хрущёв, обычно пренебрегавший служебными обязанностями, на этот раз вместо того, чтобы нежиться на солнышке в своём особняке на «Ленинских» горах в эти последние тёплые осенние дни, рвался в свой рабочий кабинет. Это с ним часто бывало и раньше, когда он вдруг заражался какой-то новой грандиозной идеей. Вскоре кортеж промчался по «Большому каменному» мосту и въехал в «Боровицкие» ворота Кремля, проехав к зданию Совета министров СССР, и Хрущёв вместе с личной охраной в двенадцать человек, рослых мужчин в чёрных костюмах, на фоне которых Хрущёва практически не было видно, прошёл через чёрный вход, поднялся на лифте на третий этаж в комнату его личной охраны, а уже из этой комнаты вместе с двумя охранниками Хрущёв прошёл в комнату его личного секретаря.

В это время личный секретарь Никиты Сергеевича Хрущёва Антонина Аркадьевна Кригова скучала за своим рабочим столом. Антонина Кригова была женщина тридцати семи лет, среднего роста, с русыми, коротко стриженными волосами, атлетического сложения, с широкими плечами, объёмной грудью шестого размера, но в меру тонкой для её полной комплекции талией, зато с весьма объёмными бёдрами. Одета Кригова была в ситцевое белое платье-миди с синими цветочками, подпоясанное синим кожаным ремешком. На ней так же были шёлковые чулки телесного цвета и белые туфли. Стены в комнате личного секретаря Хрущёва были отделаны дубом, на полу был дубовый паркет, с потолка свисала хрустальная люстра. Слева при входе в комнату секретаря из комнаты охраны было окно, у окна были расставлены двенадцать горшков с цветами, в дальнем углу у окна стояла жёлтая тумбочка, на которой лежали стопкой двадцать свежих номеров газеты «Правда», восемь папок с сообщениями ТАСС и пять папок с докладами из ЦК КПСС, правее стоял жёлтый стол секретаря, на котором стояла синяя пишущая машинка, настольная лампа с круглым зелёным абажуром, белый телефон и бронзовый бюст Никиты Сергеевича Хрущёва, а на стене над столом висел портрет Владимира Ильича Ленина и на той же стене, чуть ближе к двери в кабинет Хрущёва висело большое настенное зеркало. А у стены напротив секретарского стола стояли три жёлтых шкафа с документами. В стене напротив окна была дверь ведущая в кухню.

Секретарь Кригова увидев вошедшего в её комнату Хрущёва сразу подскочила встав по стойке смирно. Никита Хрущёв никогда не предупреждал её о том, когда он придет в свой рабочий кабинет и поэтому она всегда была готова к его появлению в самый неподходящий для неё момент.

– Здравствуйте, товарищ Кригова! – гаркнул бодро Хрущёв.

– Здравие желаю, товарищ Председатель Совета министров СССР! – чётко выговорила Кригова.

– Товарищ Кригова, я сейчас буду работать в своём кабинете, а вы сделайте мне, пожалуйста, чайку горячего.

– Слушаюсь, товарищ Председатель Совета министров СССР! Разрешите выполнять?!

– Выполняйте, товарищ Кригова.

Хрущёв махнул охраннику справа рукой и тот открыл дверь в его кабинет, а Хрущёв взял у второго охранника свой портфель и свёрнутую в рулон географическую карту и прошёл в кабинет. Охранник, который открывал дверь, закрыл её за Хрущёвым и оба охранника ушли в комнату охраны. А секретарь Кригова подошла к зеркалу, поправила причёску, потом поправила чулки и прошла в кухню, чтобы заварить чай.

Хрущёв войдя в свой кабинет сразу прошёл к своему рабочему столу у окна. Внешне рабочий кабинет Никиты Сергеевича Хрущёва напоминал что-то среднее между типичным кабинетом советского руководителя высшего ранга и кабинетом преподавателя кружка юных техников. В его кабинете центре потолка висела большая люстра из красного хрусталя, стены были отделаны дубом, на дубовый паркет были постелены красные ковровые дорожки. Вдоль левой стены, если смотреть от двери в комнату личного секретаря, было четыре окна, из кото-

рых хорошо просматривалась «Красная» площадь. Рядом с первым окном стояли два кресла обтянутые чёрной кожей и между ними белый журнальный столик. На стене над ними висел портрет Владимира Ильича Ленина, размером в четыре раза больше, чем портрет Ленина в комнате личного секретаря. А дальше, рядом со вторым окном, стоял чёрный рабочий стол Хрущёва, на котором стояла настольная лампа с круглым красным абажуром, стакан с пятью чёрными и с пятью красными карандашами, три блокнота с записями Хрущёва и десять чистых блокнотов. Стоял так же графин с водой и рядом пустой стакан. Справа на столе красовался золотой бюст Владимира Ильича Ленина, а слева золотой бюст самого Никиты Сергеевича Хрущёва. Сзади стола стоял стул с чёрным кожаным сиденьем, а слева к рабочему столу при-мыкал маленький белый столик, на котором помещались только два телефона, один красный, для разговора в пределах СССР, а второй синий, для международных разговоров. Спереди вплоты к рабочему столу был придвинут другой длинный стол, предназначенный для проведения заседаний, застеленный красной скатертью. По бокам этого длинного стола с двух сторон стояли по двенадцать таких же, как и перед рабочим столом, стульев. На этом столе по всей длине были расставлены двенадцать графинов с водой и перед каждым стулом стоял пустой стакан, лежал чистый блокнот и рядом с блокнотом лежали по два карандаша, чёрный и красный. У противоположной от окон стены были видны двадцать сделанных из бука стел-лажей, на которых были расставлены макеты легковых автомобилей, самолётов, вертолёт-ов и ракет, что делало кабинет Хрущёва похожим на кабинет преподавателя кружка юных техни-ков. На полках так же стояли вазы с изображениями колхозников со снопами пшеницы и почат-ками кукурузы в руках, лётчиков рядом с самолётами, конструкторов рядом с ракетами, вазы с изображениями Владимира Ильича Ленина и самого Никиты Сергеевича Хрущёва. При этом в кабинете Хрущёва не было ни одной книги. Очевидно книги не входили в его приоритеты. Не то, чтобы другие советские руководители были сплошь любителями книг. Но они хотя бы для показухи держали в своих кабинетах полки с книгами, особенно разумеется в первую оче-редь с трудами Ленина, Маркса и Энгельса. В кабинете же Хрущёва можно было почитать лишь свежие номера газеты «Правда», так же Никита Сергеевич Хрущёв читал выборочно сводки ТАСС и доклады из ЦК КПСС. В центре противоположной стены от двери в комнату личного секретаря Хрущёва была дверь ведущая в его приёмную. Над этой дверью висели настенные часы круглой формы. Часы в данный момент показывали 14:47. Приёмная перед кабинетом Хрущёва была такая же как и приёмные других советских руководителей. При входе в приём-ную посетители видели справа от двери в кабинет Хрущёва коричневый канцелярский стол секретаря приёмной, на столе чёрный телефон, перед столом стул с чёрным мягким сиденьем и ещё тридцать таких же стульев у стен для посетителей. За столом сидела секретарь приём-ной Маркова Зинаида Зиновьевна, высокая полная 49 летняя женщина, одним своим видом способная внушить уважение к хозяину охраняемого ею кабинета. У неё были чёрные коротко стриженные завитые волосы, одета она была в чёрный пиджак, чёрную юбку до колен, белую рубашку и чёрные туфли. В приёмной в данный момент посетителей не было. И Зинаида Зиновьевна скучала глядя на пустые, отделанные дубом стены. Скучать ей приходилось чаще, чем личному секретарю Хрущёва Криговой. Посетителей к Хрущёву редко допускала охрана ещё внизу, а сам Хрущёв с ней общался только когда у него вдруг всё же был посетитель, журна-листы или совещание.

Подойдя к своему рабочему столу Хрущёв бросил на длинный стол для заседаний свой портфель, туда же переставил графин с водой, пустой стакан и настольную лампу, а на рабочем столе развернул географическую карту с изображением Карибского бассейна, и Северной Аме-рики, поставил на карту свой бюст, бюст Ленина, и стакан с карандашами, переложил поверх карты блокноты, вытащил из левого бокового кармана пиджака свои очки, водрузил их на свой нос, и сел на стул, внимательно всматриваясь сквозь толстые линзы очков в очертания острова Куба. Пыхтя от волнения и сильно потея Никита Хрущёв взял из стакана красный карандаш,

и расчертил остров Куба, особенно его западную, и центральную части на красные квадратики, и кружки, и сунув карандаш назад в стакан, стал пристально вглядываться в начерченные им на карте квадратики, и кружки, морща от чрезмерного умственного напряжения свой лысый лоб, и облизывая пересохшие губы.

Вошла секретарь Кригова, поставила рядом с его правой рукой чай в стакане с подстаканником, тихо сказав:

– Ваш чай, товарищ Председатель Совета министров СССР. Хотите приказать что-то ещё?

– Нет спасибо, товарищ Кригова, можете идти.

– Слушаюсь, товарищ Председатель Совета министров СССР. – чётко отчеканила каждое слово Кригова и ушла в свою комнату.

Хрущёв отпил из стакана чай, в груди разлилось приятное тепло, во рту освежело, дышать стало легче, но тело тут же выплеснуло под рубашку и на лицо ещё более обильный липкий пот, и перед запотевшими стёклами очков на кончике носа повисли несколько сверкающих жемчужных капелек. Хрущёв вытащил из правого бокового кармана пиджака носовой платок, вытер пот с лица, потом протёр запотевшие линзы, швырнул платок поверх карты, снял пиджак, уронив его на ковёр, взял красный карандаш и стал чертить им линию из квадрата в центральной части Кубы в сторону США. При этом раздавался приятный его уху скрежет карандаша по бумаге. Остановив линию на городе Атланта, он закончил её стрелкой. Потом из этого же квадрата прочертил линию до города Нью-Йорк и так же закончил её стрелкой. Третью линию из соседнего квадрата он прочертил до города Вашингтон, закончил её стрелкой и зажав карандаш в кулаке, с силой вдавливая карандаш в карту, так, что порвалась бумага, намазал на карте жирное красное пятно. После чего Хрущёв удовлетворённо запыхтел, глядя на свою работу. Посмотрев на испорченный им карандаш, он взял другой, тоже красный и стал чертить из квадрата в западной части Кубы линию в сторону Сан-Диего, остановив линию на этом городе, он так же закончил её стрелкой. Удовлетворённо взглянув на карту, он из того же квадрата прочертил линию до Сан-Франциско и только хотел закончить её стрелкой, как вдруг зазвонил синий телефон международной связи. Хрущёв бросил карандаш поверх карты и машинально взглянул на настенные часы над дверью. На часах было 15:07. Хрущёв снял очки, положив их на стол, встав, взялся за ремень брюк и потянул брюки себе на грудь, сплющивая свой дряблый живот под брюками. Явно он не хотел брать трубку телефона и тянул время. Но телефон продолжал назойливо звонить. Тогда Хрущёв нервно подрагивающей рукой неохотно взял трубку телефона и приложил её к своему левому уху. Женский голос в телефонной трубке сказал:

– Товарищ Председатель Совета министров СССР, вам звонок из Сан-Франциско, США. С вами хочет говорить министр Юстиции и Генеральный прокурор Соединённых Штатов Америки, господин Роберт Кеннеди.

Хрущёв резко отдернул трубку телефона от уха, на его лице отобразился злой испуг. И он со скрежетом на зубах прошипел, глядя с ненавистью в потолок:

– Они что, всё знают?! Кузькина мать!.. Их!..

Потом успокоившись Хрущёв ровным голосом сказал в трубку:

– Хорошо товарищ, соедините меня с господином Робертом Кеннеди.

На другом конце провода заговорили:

– Приветствую вас, мистер Никита Хрущёв, вас беспокоит по очень важному для нас делу, Роберт Кеннеди, министр Юстиции Соединённых Штатов Америки.

– Здравствуйте, господин Роберт Кеннеди, внимательно слушаю вас.

– Благодарю вас за внимание, мистер Хрущёв, извините, что побеспокоил вас, но помочь нам можете только вы. С одной нашей великой киноактрисой случилась большая беда, у неё обнаружена неизлечимая болезнь. А как нам известно, у вас разработаны совершенные техно-

логии по погружению живых объектов в крио-состояние, в котором они могут практически вечно находиться без изменений биологической структуры. Так вот, конгресс США и лично наш президент, мой брат Джон Кеннеди, хотели бы, если вы сочтёте это возможным, воспользоваться этими вашими супер-технологиями и крианировать эту великую киноактрису, чтобы она могла сохраняться до тех пор, когда медицина сможет лечить её болезнь.

– А о какой актрисе идёт речь, господин Роберт Кеннеди?

– Речь идёт о Мэрилин Монро. Вы, мистер Никита Хрущёв, встречались с ней, когда посетили Лос-Анджелес в пятьдесят девятом году.

– Мэрилин Монро? Да, да, я помню, замечательная актриса. Она помнится тогда ещё ко мне подкатывала, предлагая с ней поцеловаться прямо на публике. Но я выстоял перед её чарами. Мы коммунисты ещё и не такое преодолевали. Да извините, я отвлекся. А что с ней случилось?

– Она позавчера впала в кому, я не специалист и не уверен, что смогу правильно произвести диагноз, но врачи говорят, что это неизлечимая болезнь, и что современная медицина бессильна это предотвратить.

– Да, какой ужас! Мы конечно поможем вам, господин Роберт Кеннеди. Вы с нами поделились технологией выращивания кукурузы, а мы вам поможем своими самыми передовыми в мире крио-технологиями, достижимыми лишь при коммунистическом строе. Сами секреты крио-технологий мы вам конечно не откроем. А то вы потом начнёте на них зарабатывать, а нас бортанёте. Но с крионизацией великой актрисы Мэрилин Монро мы поможем. Как только я уточню все детали в академии наук, так сразу вам перезвоню. До свидания, господин Роберт Кеннеди.

– Заранее вам премного благодарен, мистер Никита Хрущёв, с нетерпением жду вашего звонка, до свидания, мистер Хрущёв.

Хрущёв положил трубку телефона и расхохотался торжествующим хохотом, потрясая сжатыми кулаками в потолок, завопив во всё горло:

– Они ничего не знают!.. Не знают!..

И Хрущёв заходил кругами по своему кабинету, азартно похлопывая себя по бёдрам, продолжая неистово хохотать, подошёл к рабочему столу, яростно стукнул кулаком по географической карте, смахнув при этом со стола стакан в подстаканнике с недопитым чаем. Стакан ударился о край стола, с шумом рассыпавшись по ковру мелким стеклом. А Хрущёв резко развернувшись, азартно пнул подстаканник и пустился вскачь кругами по кабинету плясать гопака. От его размашистого пляса разлетались по кабинету стулья, летели на пол и разбивались вдребезги вазы, ломались макеты самолётов, в неистовом плясе он налетел на длинный стол для заседаний, стол опрокинулся в сторону окон и графины с водой, стаканы, полетели к стене под окна, рассыпаясь битым стеклом по полу. Кружа по кабинету в неудержимом пляске он налетел на стеллажи и шесть стеллажей с грохотом рухнули на пол в сторону двери в кабинет личного секретаря. В кабинет заскочили со своей стороны Кригова, а со стороны приёмной Маркова. В кабинет так же из двери личного секретаря заглядывали охранники. А он продолжал плясать гопака выделывая круги по кабинету, а на его раскрасневшемся лице плясало ликование. Изрядно умаявшись от пляски Хрущёв упал рядом со своим рабочим столом на пятую точку и продолжая трястись от хохота, вытащил из правого кармана брюк носовой платок, у него всегда было рассовано сразу несколько носовых платков в карманах, и стал вытирать носовым платком проступившие на лице слёзы, и пот.

Отдышавшись от лихого гопака Хрущёв встал, опираясь на стул, оглядел смеясь ворвавшихся в его кабинет и сказал весело, но всё ещё запыхавшимся голосом:

– Все, кроме секретаря Криговой, могут быть свободны.

Секретарь Маркова сразу скрылась за дверью в приёмной, а охранники вернулись в комнату охраны. А Хрущёв тяжело переводя дух после неистовой пляски проговорил, продолжая вытирать платком пот с лица:

– Товарищ Кригова, а принесите-ка мне сто пятьдесят грамм водочки и колбаску кровяную разогрейте на закусочку, и да, икорки ещё захватите белужьей, пожалуйста.

– Слушаюсь, товарищ Председатель Совета министров СССР! Принести сто пятьдесят граммов водки, кровяной колбасы и белужьей икры! Разрешите выполнять?!

– Выполняйте.

Секретарь Кригова ушла выполнять приказ, а Хрущёв позвонил лично академику Келдышу, в академию наук СССР и поручил ему организовать крионизацию тела Мэрилин Монро, и вывезти её крионированное тело в тайное хранилище на Таймырский полуостров.

Потом Хрущёв бухнулся толстым задом на стул, затем слегка приподнявшись, наклонился над столом и подобострастно глядя на бюст Ленина, аккуратно протёр его носовым платком, потом ласково глядя на собственный бюст, протёр платком и его. И снова весело захохотал, глядя на уцелевший на стеллаже макет бомбардировщика ТУ-4, устремившего свой нос прямо в циферблат настенных часов над дверью в приёмную и кажется сейчас же готовый спикировать прямо в циферблат часов. На часах стрелки показывали уже 15:37. Секретарь Кригова вошла в кабинет Хрущёва с подносом, на котором стоял запотевший графин со ста пятьюдесятью граммами водки и лежали на тарелке, дымящийся шмат кровяной колбасы грамм триста, ломоть белого хлеба и стояла на подносе открытая банка с чёрной икрой. Рядом с колбасой лежала серебряная вилка, а в банке с икрой торчала серебряная ложка. Хрущёв увидев на подносе графин с водкой задёргал носом, предвкушая удовольствие и засопев проговорив нетерпеливо:

– Водочка, колбаска, жизнь отдам за вас я, а за икорочку белужью душу чёрту я продам! Несите, несите скорей, Антонина Аркадьевна, ну давайте же скорей, подавайте, подавайте!

Кригова поставила поднос на географическую карту, оставшись стоять рядом по стойке смирно. Хрущёв торопливо схватил стакан с карандашами и вытряхнул карандаши на карту, поскольку другие стаканы он разбил, а Кригова не догадалась принести ещё стакан и взяв графин, вылил водку в стакан, глядя на наполняющийся стакан восторженно сверкающим взглядом, и залпом выпил содержимое стакана. По пищеводу в низ прокатилась леденящая жидкость и тут же разлилась огненным бодрящим жаром по желудку, а потом приятное тепло растеклось по всему телу. В голове просветлело и приятный холодный пот выступил на висках. Хрущёв воткнул вилку в шмат кровяной колбасы, поднёс её к носу, втянув в себя чарующий аромат свежеподжаренной кровянки. Горячий жир закапал на изображённый на карте остров Куба, на его живот, на грудь. Но Хрущёв несколько не обращая на это внимание смачно откусил с краю порядочный кусок колбасы, при этом ещё обильней брызнул жир ему на рубашку. И Хрущёв стал интенсивно разжёвывать сочный кусок, громко чавкая и частично проглатывая не до конца разжёванные кусочки. Его жующий рот наполнился вкусным жирным соком, жир потёк приятно обжигая кожу по подбородку, шее, затёк под ворот рубашки, растекаясь по груди. Положив съеденную на треть колбасу на тарелку, Хрущёв взял хлеб, налепил на него сверху изрядную горку чёрной икры и держа хлеб в правой руке, левой взял вилку с колбасой, и стал энергично уминать колбасу и хлеб с икрой, продолжая громко чавкать, иногда вытирая тыльными сторонами кистей рук, и краями рукавов излишне натёкший на лицо жир. Сочный жир продолжал обильно орошать Хрущёва и географическую карту, так же вместе с жиром на Хрущёва и вокруг него падала чёрная икра, как ни странно особенно густо обстреливая нарисованные им красные квадратики и кружки на почти уже невидимом на карте острове Куба. А секретарь Кригова по прежнему стояла по стойке смирно рядом со столом, глядя прямо перед собой и лишь временами шумно сглатывая беспрестанно наполняющую её рот слюну. Хрущёв наконец закончил своё пиршество, похлопал себя с довольным видом по своему, похо-

жему на частично сдувшийся пузырь, животу. Внутри живота приятно заурчало. И Хрущёв с довольной улыбкой на измазанном жиром лице посмотрел на настенные часы. Часы показывали 15:53.

Многие сейчас могут спросить, почему же у Никиты Хрущёва была такая скромная закуска, так как хорошо известно, что высокопоставленные советские руководители питались столь изыскано, что даже самые искушённые гурманы капиталистической элиты приходили в умопомрачительный восторг, если им случалось побывать на званном обеде у какого-нибудь важного советского руководителя? Но на званых обедах Никиты Хрущёва буржуазная элита тоже приходила в восторг, не в силах поверить, что такое пиршество возможно на этом свете. Однако, когда Никита Хрущёв был один, он не особо привередничал в еде и очень этим гордился, считая это проявлением своего пролетарского происхождения.

И так, закончив с едой Хрущёв взял чистый блокнот, выдрал из него несколько листков и вытер ими лицо и руки, бросив измазанные жиром листки на пол. Секретарь Кригова поняв это, как окончание трапезы, спросила:

– Всё, товарищ Председатель Совета министров СССР, можно уносить поднос? И наверное надо прислать кого-нибудь чтобы здесь прибрались?

– Потом приберутся, товарищ Кригова, мне это не мешает. Да же наоборот, создаёт подходящую атмосферу под моё сегодняшнее настроение. И возможно в ближайшем будущем мы увидим крушения и посерьёзней! А знаете, Антонина Аркадьевна, что я тут так разбуянился? Есть у меня сейчас грандиозные планы по поводу внешней политики, ну вам конечно подробностей знать не надо, но скажу только, что всё для меня складывается весьма удачно. И ещё мне тут сейчас из Штатов звонили, напомнили мой визит в Лос-Анджелес в пятьдесят девятом году. Так мне там при посещении Голливуда канкан показали, если вы в курсе, пляска у них есть такая бабья,.. срамотища!.. – и Хрущёв при этих словах похабно захихикал, потом всё ещё прыская от смеха продолжил. – Так вот, в этом канкане бабы прыгают, вертятся, задирают выше головы юбки, ноги вверх подкидывают, встав раком задницы показывают. – и Хрущёв снова расхохотался до слёз. – А я этим голливудским засранцам тогда тоже свою задницу в наклоне показал, прямо на кинокамеру. Потом конечно лекцию им прочитал. Чем удивить хотите говорю, капиталюги, пролетарского вождя? Задницы показывать каждый дурак может. Массам, говорю, надо нести высокую культуру, там балет классический, оперу, симфонию какую-нибудь, а не задранную задницу массам в рыло совать. В общем расчихвостил их по полной.

– Да, товарищ Председатель Совета министров СССР, при капитализме одни извращения, им до нас коммунистов по части культурности ещё далеко.

– Это вы правильно сказали, товарищ Кригова, по части культурности им до нас, как от Земли до Марса. – Хрущёв взглянул на Кригову с хитрым прищуром, выдержал с минуту паузу и низким голосом произнёс. – А вы, товарищ Кригова, можете для меня прямо сейчас канкан сплясать?

– Ой! Что вы, Никита Сергеевич, как можно?

– Да ладно тебе ломаться, Тоня, мы же здесь одни. Никакие капиталюги нас здесь за непристойностью не заловят. Ну давай, Тоня, что мнёшься?

– Ну что же... – произнесла сосредотачиваясь перед ответственным заданием секретарь Кригова, отошла задом от стола на пять шагов, приподняла выше колен подол платья, помахиная им вправо-влево и перебирая ногами на месте словно лошадь в упряжке, и неуверенно спросила. – Разрешите выполнять, товарищ Председатель Совета министров СССР?

– Выполняйте!

И Кригова стала плясать канкан, вертя вправо-влево перед собой подолом платья и затем подкидывая подол, задирала высоко вверх то одну ногу, то другую, сверкая перед Хрущёвым

своими белыми панталонами, то резко развернувшись, наклонялась вперёд, показывая Хрущёву свой белый зад. При этом Кригова во время канкана выкрикивала сама себе команды:

– Раз, два, выше ноги! Раз два, тяни носок! Раз, два, ещё выше! Раз, два, ноги вверх!.. И разворот, наклон вперёд!.. И снова разворот!.. Ноги выше, раз, два! Раз, два, тяни носок! Раз, два, ещё выше! Раз, два, ноги вверх!.. И снова поворот, наклон вперёд!.. И опять поворот, ноги выше, раз, два! И ещё тяни носок!

Так секретарь Кригова скакала перед Хрущёвым, размахивая подолом своего платья, закидывая вверх ноги и развернувшись задом, светила в лицо Хрущёву своими белыми панталонами уже в наклоне. А Хрущёв неистово хохотал, беспрестанно вытирая платком обильно текущие по его лицу пот и слёзы, и энергично ёрзая толстым задом из стороны в сторону на разогретом от интенсивного трения стуле. А под его животом напрягся разгорячённый член. То же можно сказать член правительства, хоть и не видимый во время правительственных заседаний, но часто именно от этих, спрятавшихся в штанах членов, зависит, какие именно будут приняты политические решения. Член в штанах Хрущёва активно проголосовал мощной струёй за легализацию канкана в стране Советов, а член, выглядывающий из ворота его рубашки, ещё хотел подумать. Впрочем канкан всё же был легализован в советской оперетте.

Хрущёв уже полностью удовлетворившись зрелищем белых панталон своего секретаря, хотел сказать ей достаточно пляски, но не мог никак выговорить ни слова из-за клокочущего в нём смеха. И тут Кригова подкинув слишком резко вверх правую ногу потеряла равновесие и шлёпнулась перед Хрущёвым на спину, сильно ударившись затылком о ковёр, пронзительно вскрикнув от боли. Хрущёв подскочил на ноги словно футбольный мяч и подбежав к Криговой, помог ей подняться. Антонина Кригова встав на ноги почувствовала в них сильную ломоту и усталость. А тягучая боль в спине пронзала от поясницы до затылка и в голове тоже дребезжаще гудело после удара о ковёр. Так же она сильно запыхалась и с трудом переводила дыхание. И в то же время она, чувствуя на своих боках липкие ладони Никиты Хрущёва, внезапно ощутила растекающиеся по её телу призывы сближения с ним. Эту её реакцию можно понять, если учесть, что Антонина Кригова принадлежала к породе женщин, которых прежде всего возбуждает в мужчинах не их внешность или какие-то умения, а только то, насколько высока иерархия этого мужчины в обществе, не важно стар он, уродлив или немощен, главное как высоко он взлетел на вершину власти. И вот приятные импульсы потекли от сжатых Никитой Хрущёвым ритмично вздрагивающих её боков по её напрягшимся бёдрам, растеклись по её животу и Антонина Кригова отчётливо почувствовала как её волосатый цветочек разбух, раскрыв свои четыре толстенных лепестка на полную мощь, налившись до предела горячей кровью, и в глубинах её женской обители дарующей жизнь затрепетал призывный зов женского естества, и трепетно пульсирующий всасывающими движениями туннель наслаждения наполнился горячей влагой, и тут же ещё шире сами собой раздвинулись её тугие импульсивно вздрагивающие бёдра, и её взмокший волосатый цветочек, интенсивно увлажняя её, и без того уже довольно влажные панталоны, разнёс вокруг сильный аромат влекущий мужскую сущность скорей добавить живительной мужской влаги в трепещущий туннель этого ароматного женского цветка. В груди Антонины Криговой яростно забилось горячее сердце в предвкушении безмерного наслаждения и вдруг совершенно пропала одышка, словно открылось второе дыхание, и мощные меха в грудной клетке учащённо затрепетали накачивая организм живительным кислородом, и горячая кровь дурманящим блаженством заполнила грудную клетку, затекая приятным нарастающим теплом в её объёмные груди. Груды набухли, ещё сильнее растянув ткань лифчика и в затвердевших сосках возникло рвущееся вперёд напряжение, готовое прямо сейчас разорвать платье на груди вместе с лифчиком. От сильного возбуждения у Криговой даже помутилось в голове, глаза сами собой закрылись, лишь ресницы нетерпеливо быстро-быстро трепетали в предвкушении наслаждения. Антонина Кригова со сладким блаженством впивалась своими трепещущими боками в ладони Никиты Сергеевича, поддерживающего её

за талию, готовая всем своим женским существом пустить его мужскую сущность в себя и затушить наконец этот восплававший в ней огонь страсти, выпустив его на волю после совместных с Никитой Сергеевичем усилий.

Но Никита Сергеевич Хрущёв уже давно, ещё во время созерцания сверкающих перед его носом белых панталон Криговой, при её брыкании перед ним ногами, выплеснул из себя весь свой огонь страсти и обмяк, способный теперь лишь с пафосом идейно рассуждать о великих делах. И продолжая весело похохатывать, он удовлетворённо сказал:

– О, знай наших! Подумаешь, какие-то там голливудские дрыгалки ногами. Нашли чем удивить. У нас так любая секретарша дрыгать может и любой ответственный партийный работник тоже. А вы попробуйте-ка что-нибудь серьёзное отчебучить, капиталисты задрипанные? Нет, серьёзное капиталистам не по зубам, так вот! Серьёзные дела только коммунисты осилить могут. Ладно, хорошо, идите к себе, товарищ Кригова, если вы мне ещё понадобится, я вам позвоню. А мне надо сейчас важные дела закончить.

И Никита Хрущёв небрежно оттолкнул от себя Антонину Кригову и та, уныло взяв со стола поднос с пустым графином и тарелкой, всё ещё интенсивно трепеща всеми своими женскими органами от охватившего её любовного возбуждения, с намернувшимися на глаза слезами обиды побрела на кухню. А Никита Сергеевич Хрущёв снова радостно посмотрел на макет бомбардировщика Ту-4, нацелившего свой нос в сторону циферблата настенных часов над дверью в его приёмную. Часы показывали 16:24. И вдруг, то ли от перевозбуждения Никита Хрущёв впал в гипнотическое состояние, то ли ещё почему, но в его ушах стало всё громче раздаваться тиканье настенных часов, постепенно становясь просто оглушительным, и ему даже показалось, что стены в кабинете стали мощно вибрировать в такт тиканью часов. И Хрущёв с сияющей улыбкой на лице рухнул плашмя на ковёр, потеряв сознание.

Чем же был так до обморока обрадован Никита Сергеевич Хрущёв? Надо сказать, что Хрущёву давно не давали покоя ракеты средней дальности с ядерными боеголовками «Юпитер», которые США разместило в Турции ещё в 1961 году. Эти ракеты в короткий срок могли достигнуть любого города в центральной России, без малейшей возможности хоть как-то адекватно отреагировать ответным ударом по США. И Хрущёв ещё тогда, в шестьдесят первом году, поклялся поставить в столь же уязвимое положение сами Соединённые Штаты Америки. А 20 мая 1962 года, он уже официально поставил такую задачу перед своими министрами, с самим им уже заготовленными предложениями по решению этой задачи, путём размещения на Кубе советских ракет средней дальности с ядерными боеголовками, в ответ на американские в Турции. О чём заранее переговорил с глазу на глаз с Фиделем Кастро. А 4 августа того же 1962 года, в четыре часа утра на Кубу были доставлены первые советские ракеты средней дальности с ядерными боеголовками. То, что правительство США обращается к Советскому правительству с просьбой от первых лиц к первому лицу говорило о том, что в США не догадываются о сюрпризе, который для них приготовил Никита Сергеевич Хрущёв. И Хрущёв был очень доволен, что всё так ловко провернул.

Интересно, что во время Первой мировой войны Хрущёв пытался иммигрировать в США, сбежав от войны. И у дайся ему этот побег, история была бы конечно совсем другой. Но тогда он заболел тифом и поэтому не смог иммигрировать. А вслед за Первой мировой войной Россию окутала коммунистическая тирания. Первоначально коммунисты предполагали использовать Россию только как трамплин для завоевания всего мира. Но сил у коммунистического интернационала хватило только на удержание власти в России. И тогда они решили создать имитацию всего мира на территории России, переименовали Россию в Советский Союз и раскромсали всю Россию на несколько искусственных государств в виде союзных республик, что будет в последствии ещё долго как политическая проказа разъедать всю Россию, вызывая между людьми непонимания, и конфликты. А вот Никита Сергеевич Хрущёв при коммунистической власти стал очень даже успешно строить свою партийную карьеру проявляя неимо-

верное рвение в истреблении своих соотечественников. Добравшись таким образом до самых верхов партийной власти он принял непосредственное участие в ликвидации тирана Сталина и сам стал временным властелином России.

К счастью в этом беспокойном мире всё плохое имеет конец и поскольку добро сильнее зла, а в шелухе всех наваливающихся на наш мир мерзостей всегда прорастает благодатное зерно, и жизнь в конечном итоге отфильтровывает всё лучшее сохраняя для будущего, оставляя всё плохое в исчезающем навеки прошлом, и поэтому к счастью наш мир несмотря на постоянно вползающее в него зло тем не менее становится всю лучше, и лучше.

И так, уже 9 августа 1962 года в 19:30 в аэропорту Лос-Анджелеса приземлился советский бомбардировщик Ту-4. Хрущёв лично приказал направить именно этот бомбардировщик, так как он был точной копией американского бомбардировщика Боинг Б-29. И это было своего рода издёвкой над американцами. Могли ли американцы захватить этот бомбардировщик? Да могли. Но электроника в нём была подчищена и они не узнали бы для себя в случае захвата самолёта ничего нового. А потеря для советской авиации одной лётной единицы, что это для Хрущёва по сравнению с тем ликованием, которое он испытывал посылая в США бомбардировщик Ту-4? Фу, да и только. Зато какой кукиш америкашкам под нос. Тем более, что в 1955 году, почти одновременно и в СССР, и в США, на вооружение поступили стратегические межконтинентальные бомбардировщики нового поколения. Гонка вооружений выходила на новый, ещё более совершенный виток. И мир становился ещё более хрупким.

И так, 9 августа 1962 года Мэрилин Монро крионировали, поместили в титановый гроб-термос. И бомбардировщик Ту-4 унёс в бомбовом отсеке крионированное тело Мэрилин Монро в Советскую Россию, которую она так любила, увлечённая русской литературой. И вот теперь летела, хоть и замороженная, в свою любимую сказочную страну, Россию. Пролетев над Великим Тихим океаном и Великой Сибирской тайгой, бомбардировщик Ту-4 приземлился на Норильском аэродроме, а дальше на вертолётё Ми-4 гроб-термос перевезли в горы «Быр-ранга», где в подземном бункере её тело хранилось в титановом гробу-термосе, чтобы через пятьдесят пять лет начать новую жизнь.

А над всем остальным Миром, в том тревожном 1962 году уже в начале сентября нависла смертельная угроза полного физического уничтожения в ядерной бойне двух сверхдержав. К счастью для всего человечества пыл политических амбиций тогда удалось погасить и Мир уцелел. Уцелеет ли в будущем?.. А вот в нашей истории эти события ещё сыграют свою главную роль.

Глава 2

Ночной клуб

И так, тогда, в середине двадцатого века, жить ли дальше человечеству, было под вопросом? Но тогда вопрос этот разрешился в пользу человечества. И сейчас, спустя пятьдесят пять лет после тех глобальных угроз ядерной войны, во всём мире, как и в Лос-Анджелесе, продолжалась жизнь, и люди продолжали выяснять между собой свои мелкие, хотя и непростые взаимоотношения. В субботу 13 мая 2017 года в Лос-Анджелесе день был пасмурный, с самого утра ветер с океана гнал на город густой туман накачивая атмосферу тягучей душнотой. Собственно весь май в тот год западное побережье США давил своими плотными объятьями туман, а жизнь под этими объятьями струилась брызгами пота, не смотря ни на что находя наслаждение абсолютно во всём. В 14:10 журналист Гилберт Форстер подъехал на своём Шевроле вишнёвого цвета к ночному клубу «Дыхание свободы», что находится на бульваре «Сансет». Двухэтажное здание клуба виднелось из-за двухметрового бетонного забора, напоминая заброшенный особняк. Форстер был одет в форму работника клуба, он был шатен среднего роста, широкоплечий, спортивного вида мужчина. На пляже многие женщины крепко цепляли его точённый торс своим взглядом. Но сейчас рабочая куртка со множеством потайных карманов делала его фигуру кособокой, даже можно сказать нелепой. Выйдя из машины Гилберт Форстер снял с крыши автомобиля раздвижную лестницу и пошёл к забору с боковой стороны от главного входа в клуб. Он уже хорошо знал, какие части территории просматриваются камерами видеонаблюдения, а какие видеокamеры являются неработающими муляжами. Форстер приставил раздвижную лестницу к забору, перелез на территорию клуба, перетащив лестницу к внутренней стороне забора, спрятал её там, и вошёл в клуб. В клубе персонал занимался подготовкой к предстоящему вечернему шоу. Мыли полы, проверяли оборудование, повара готовили изысканную еду. Форстер разместил в укромных местах клуба скрытые видеокamеры и выйдя из клуба тем же путём как пришёл, через забор, уехал домой.

В субботу клуб «Дыхание свободы» открывался в 20:00 и работал до двух часов ночи. Гилберт Форстер подъехал к клубу ровно в 22:00. Пройдя в клуб на второй этаж, Форстер взял себе коктейль и сел за столик, исподлобья наблюдая за посетителями. Коктейль растекаясь по венам, горячил кровь, а громкая латиноамериканская музыка вибрировала в ушах, придавая дополнительную бодрость организму. Народу в эту ночь в клубе было как ни странно мало. В двенадцать часов ночи улицы рядом с клубом оглушили сирены полицейских машин. Над клубом появились десантные вертолёты. Проходила полицейская операция по захвату в клубе наркоторговцев. В течении нескольких минут клуб заполнили полицейские. Прошли выборочные обыски посетителей. Полицейские собаки обнюхивали все углы клуба. Но никаких следов продажи запрещённых наркотиков обнаружено не было. И под действием тяжёлых наркотиков не было обнаружено ни одного посетителя клуба. Даже сброшенных на пол неиспользованных запрещённых наркотиков, как это обычно бывает во время таких рейдов полиции, тоже под ногами не валялось. Можно подумать, что в клубе «Дыхание свободы» царит идеальная нравственная атмосфера, хотя по прошлым посещениям этого клуба Форстер знал, что этот клуб крупнейший в Лос-Анджелесе очаг массового распространения и употребления героина. Очевидно поэтому завсегда между собой называли этот клуб «героинка». Журналист Гилберт Форстер занимался расследованием преступности в клубах Лос-Анджелеса и особенно торговлей героином с середины 2015 года. За это время у него был подготовлен большой материал. Но редактор отказывался публиковать этот материал, утверждая, что доказательств недостаточно, а некоторые факты запрещено было публиковать властями, так как это, как они утвер-

ждали, может помешать следствию. Поэтому на эту сегодняшнюю операцию полиции Форстер возлагал большие надежды. И вот эта операция бездарно провалилась, а значит опубликовать подготовленный материал опять не удастся. И столь тяжкий труд по сбору материала снова оказался напрасным.

В 13:30 следующего дня Гилберт Форстер сидел в баре, расположенном напротив клуба «Дыхание свободы» со своим другом, адвокатом Игнатиусом Стефенсоном. Стефенсон как всегда налегал на светлое пиво, а Форстер пил абрикосовый сок. Гилберт Форстер, как было уже сказано ранее, был среднего роста, широкоплечий, но сидя рядом со Стефенсоном он выглядел карликом. Игнатиус Стефенсон был просто огромного роста, к тому же очень полный. Поэтому рядом с ним многие казались карликами. Форстер был одет в белую ветровку, поверх белой футболки, белые брюки и белые кроссовки. А Стефенсон сверкал в свете ламп начисто выбритой лысой головой, одет был в синий деловой костюм, белую рубашку без галстука и чёрные ботинки.

– Целый год я за бандой этого негодяя Гранита следил, собрал большой материал и всё коту под хвост. – сокрушался Гилберт Форстер. – Неудача, за неудачей меня преследует по пятам. Но в этот раз, я уверен, кто-то предупредил наркоторговцев о предстоящей операции. Возможно в полиции у них свой крот есть? Эх, что же это такое? К чёрту всё, в тартарары! – выговорил сквозь зубы Форстер, зло глядя в стакан с соком. Можно было подумать, что это сок виноват в его неудачах.

– Ладно тебе, Гил, жизнь штука суровая, удачей редко кого балует. – сказал неунывающий Стефенсон. – Но с твоим упорством, Гил, я уверен, удаче от тебя не ускользнуть. А пока расслабься, нельзя долго заикливаться на неудачах.

– Для кого неудача, а этому наркобарону Граниту снова подфартило.

– Сейчас ему подфартило, завтра тебе подфартит, будет и на твоей улице праздник, Гил, и тебе повезёт, будь уверен!

– Но ведь обидно, Игги, как же обидно.

– Тебе сейчас надо куда-нибудь съездить, Гил, отвлечься, получить новые впечатления и ты забудешь про все свои нынешние неудачи. Кстати, у меня тоже есть пара свободных недель, могу составить тебе компанию.

– Да куда съездить, Игги? Мне сейчас даже ничего стоящего в голову по этому поводу не приходит.

– А давай махнём на пару недель во Флориду, в Голливуд?

– Тоже мне идея, в Голливуд на пару недель. Ведь Голливуд, если ты, Игги, ещё не в курсе, находится в пятнадцати минутах езды от этого бара.

– Да я же не про наш Голливуд говорю, Гил, что в Лос-Анджелесе, а про тот, что во Флориде, в округе Бровард, рядом с Майами.

– Во Флориде говоришь? А что, эта идея мне нравится, давно хотел там побывать.

– А я уже три раза там отдыхал, замечательное место, народу мало в отличие от Майами, а сервис на все сто. Райский курортный городок, Гил, таких больше нет, ей Богу.

– Тогда едем, Игги.

– А когда?

– Да хоть сегодня, если у тебя конечно нет срочных дел на сегодня.

– Нет, я совершенно свободен.

– Тогда вперёд, Игги, к берегам Флориды!

Глава 3

Беженцы с Кубы

15 мая в 16:40 самолёт приземлился в аэропорту Форд Лодердейл. Друзья взяли на прокат Шевроле белого цвета и сначала заехали в снятый ими на две недели мотель, оставив там свои вещи, и поехали по дороге вдоль пляжной полосы, высматривая бар у пляжа, где можно остановиться и перекусить. На Стефенсоне была рубаша в ярких цветах, такие же яркие шорты и красные кроссовки, от чего он казался ещё более огромным. А на Форстере была зелёная рубашка с коротким рукавом, зелёные шорты и белые кроссовки. Припарковав автомобиль у одного из счётчиков рядом с баром «Парус удачи», они зашли в этот бар. Игнатиус Стефенсон как всегда взял себе светлое пиво, а Гилберт Форстер абрикосовый сок. Выбрав столик недалеко от экрана телевизора, они сели расслабляясь и осматривая бар. Напитки растекались прохладой по жилам и выходили потом, так что одежда быстро пропиталась влагой, словно после липкого дождя, и холодный воздух из кондиционеров пробирал тела сквозь влажную одежду до костей. В баре ещё несколько посетителей коротали время, попивая прохладительные напитки. В окна бара был виден пляж, по которому лениво прохаживались отдыхающие, а над пляжем парили крикливые чайки. На экране телевизора, виляя толстыми бёдрами джазовая певица выжимала из своего нутра хрипучие и надрывные звуки.

– Жизнь бьёт ключом! – сказал с придыханием Стефенсон, восторженно глядя в окно на лениво прогуливающих по пляжу людей. Потом обернулся с серьёзным видом к Форстеру, сказав. – А что, Гил, с публикацией по банде Гранита совсем всё безнадежно? Может хоть какие-то материалы по этому делу можно будет опубликовать?

– Пока в публикации категорически отказано. Да и шериф Райли давит на редакцию, чтобы раньше времени не подымали шум вокруг банды Гранита. Так что перспективы по этому делу туманные и проясниться ли в будущем ситуация неизвестно.

– А ты что же, Гил, поленился собрать побольше убедительных фактов?

– Да фактов я им предоставил более чем достаточно, а они всё твердят, мало доказательств. Но ты только подумай, Игги, ведь эта банда Гранита весь Лос-Анджелес тяжёлыми наркотиками завалила. А по поставкам героина в Лос-Анджелесе они аж почти процентов пятьдесят имеют. Поэтому если сейчас эту банду накрыть медным тазом, это ж какой сокрушительный удар будет нанесён по всей незаконной наркоторговле в нашем регионе.

– Да ладно тебе, Гил, Гранита прикроют другие всплывут. Пойми, Гил, раз есть спрос на тяжёлую наркоту, будут и предложения. Преступность не победить, Гил, пока у преступников есть клиенты.

– Всё можно победить, Игги, если хорошо постараться.

– Ну с преступностью борются давно, а ситуация становится только хуже. И по моему, если уж на чистоту говорить, в процветании незаконной наркоторговли борцы с наркотиками заинтересованы не меньше, чем сами наркоторговцы. Поэтому преступность процветает и дальше будет процветать.

– Это что же, по твоему и я заинтересован в процветании незаконной наркоторговли?

– Ну ты исключение, Гил, идеалист. А как известно, исключения только подтверждают правила. Хотя подсознательно возможно и ты тоже заинтересован в этом, только не осознаёшь этого.

– Вот спасибо тебе, Игги. Уже и меня записал в пособников преступного мира.

– Не преувеличивай, Гил, я же только предположил. А вообще я сейчас действительно наговорил всякий вздор, забудь. Ладно, Гил, в такую чудную погоду грех думать о работе. Давай лучше снимем сегодня хорошеньких девчонок, да кутнём по полной?

– Пей пока своё пиво, Игги, а с девочками как получится.

В это время в бар вошли две девицы, на вид лет двадцати, двадцати пяти. Одна высокая худощавая блондинка в голубом бикини. Вторая довольно полная брюнетка среднего роста, в оранжевом бикини. Они грациозно покачивая бёдрами, не спеша направились к стойке бара.

У Стефенсона загорелись страстью глаза при виде девиц, сердце забилося в груди сильнее и чаще, и он задыхаясь от волнения прошептал, не отрывая от девиц взгляда, и глотая выступившую на губах обильную слюну. – Смотри, Гил, какие красотки?! Давай снимем их на этот вечерок? Я думаю они не будут против с нами развлечься.

– Ну давай познакомимся. – сказал равнодушно Гилберт Форстер.

Стефенсон словно сидел на сжатой пружине и не смотря на свой огромный рост, и вес, подскочил с места как ракета, и оказался у барной стойки раньше, чем к ней подошли девицы.

– Мэм, может присоединитесь к нам с другом?

– Можно присоединиться. – сказала высокая блондинка. – Что, Доминга, обратилась она к подруге, – присоединимся к джентльменам?

– Давай присоединимся. – ответила полная брюнетка.

– Что будете пить, мэм? – спросил Стефенсон.

– Нам светлое пиво пожалуйста. – сказала высокая блондинка.

– О, наши вкусы совпадают, мэм, бармен, два светлых пива девушкам.

Девицы взяли поданное им барменом пиво, Стефенсон расплатился и все троём подошли к столику, где сидел Гилберт Форстер.

– Знакомьтесь, мэм, мой лучший друг и успешный журналист, Гилберт Форстер. – напыщенно произнёс Стефенсон, показывая на Форстера. – А я, очень успешный адвокат, Игнатиус Стефенсон, для вас, мэм, можно просто Игги.

– А меня зовут Грессия. Я профессиональная танцовщица.

– сказала высокая блондинка.

– Я Доминга, пока в свободном поиске... в смысле профессии. – сказала полная брюнетка.

Все пожали друг-другу руки в знак знакомства и сели за стол.

Доминга отпила своё пиво и спросила, смакуя разлившуюся по телу прохладу. – А вы, сеньоры, наверное приезжие?

– Мы из Лос-Анджелеса. – сказал Игнатиус Стефенсон. – Решили с другом развеяться в новой обстановке и посетить этот милый курортный городок, тёску нашего Лос-Анджелеского Голливуда. А вы, мэм, тоже приезжие?

– Нет, мы местные.

Стефенсон нежно взял руку Доминги и тепло её руки, ещё не выветрившееся усилием кондиционеров проникло в его руку и потекло по его раздутым жилам внутрь его тела, от прикосновения к её мягкой коже всё сильнее разгорался пожар в его крови, сердце учащённо застучало, и бушующий вихрь в его мощной груди забился страстными воздушными порывами, пытаясь разорвать на части его мощную грудную клетку, а под его массивным животом напряглось огромное, и горячее, словно плающее в огне, полено, стремительным тараном рвущийся вперёд, оттянув до предела ширинку, требуя немедленного наступления на Доминговы бастионы. Но преодолевая это возбуждение неимоверным усилием воли, Игнатиус Стефенсон, стараясь выглядеть спокойным, произнёс влажными губами, пожирая Домингу своим жадным взглядом:

– А вы перед этим говорили, леди Доминга, что находитесь в свободном поиске, в смысле работы. А в смысле спутника по жизни у вас как?

– Это что, мистер Стефенсон, предложение о замужестве?

– А вы быстры в своём свободном поиске, леди Доминга, аж оторопь берёт.

– Да, она девушка стремительная, как торнадо, берегитесь, сеньор. – сказала смеясь Грессия.

– А вы так боязливы, мистер Стефенсон, что собственных слов пугаетесь? – парировала, глядя доминантно на Стефенсона Доминга.

– Не то чтобы я испугался. – сказал замявшись Стефенсон. – Я просто спешить не привык, особенно в таком важном деле как женитьба, это не в моих правилах. Но если думать о будущей перспективе, когда мы хорошо узнаем друг-друга, то почему бы и нет.

– Что же, в смысле будущей возможной перспективы я тоже подумаю об этом. – сказала Доминга, хитро подмигнув Грессии.

Девицы хоть и старались делать вид, что их не очень волнуют мужские ухаживания, но горячая кровь интимного желания тоже за пульсировала в их жилах, хоть кондиционеры усиленно и охладили их снаружи, леденя кожу вместе с влажными, прилипшими к телу бикини. И как у Доминги, так и у Грессии, затвердели соски, а ноги сами собой широко раздвинулись, и между ними сильно набухли покрасневшие от возбуждения наголо бритые бутоны.

Один Гилберт Форстер был равнодушен, думая лишь о своих журналистских расследованиях.

В это время по телевизору стали показывать репортаж о высадке беженцев с Кубы близ Майами. Женский голос диктора за кадром говорил: «Сегодня в восемь часов утра в очередной раз на берег Флориды, близ Майами на надувных плотках приплыли беженцы с Кубы, всего сорок шесть человек. Девятеро из них дети. Добровольцы оказывают им необходимую помощь».

– Вот пожалуйста, все к нам лезут. – прогнусавил недовольно морщась Стефенсон. – У себя бы там строили демократию паразиты, а не лезли туда, куда их не звали.

– Зря ты так, Игги, – сказал Форстер, – не везде людям под силу изменить политическую ситуацию.

– А Штаты им что резиновые? – сердито фыркнул Стефенсон.

– Может кто-то и попользуется благами нашей демократии, – сказала скривив насмешливо губы Грессия, – ну уж точно не эти приплывшие сегодня с Кубы лохи.

– Хватит болтать лишнее Грессия. – испуганно пискнула Доминга. – Не доведёт тебя твой длинный язык до добра.

– А почему они по вашему лохи, мэм? – сказал Стефенсон, не то, чтобы ему была интересна эта тема, просто он не хотел выпасть из общения с девицами.

– Да, мэм, – включился в разговор Гилберт Форстер, – нам то вы можете сказать, что же вы такое напридумывали в своих хорошеньких головках, разве может что-нибудь помешать этим беженцам с Кубы насладиться плодами нашей демократии?

– Вы слышали про банду Гранита? – прошептала Доминга, прижимаясь к столу, словно она от кого-то прячется.

– Банда Гранита? – сказал Форстер с равнодушной интонацией в голосе. – Я что-то слышал об этом, но довольно смутно.

– Как вы не слышали про банду Гранита? – продолжала шептать Доминга, прижимаясь к столу. – Это же одна из самых крутых преступных группировок в Лос-Анджелесе, а вы сказали, что приехали от туда. И здесь, на восточном побережье Флориды они большой вес имеют.

– А причём тут эти беженцы с Кубы, мэм?

– Так они сегодня прямоком попали в руки Марселло Скинвалкса. – сказала усмехаясь Грессия. – Скинвалкс в банде Гранита отвечает за заготовку человеческих органов для продажи. Так что эти лохи с Кубы пойдут на запчасти. На сколько я знаю, Скинвалкс сейчас снимает цех на скотобойне «Глория», что принадлежит сеньору донну Карло, прозванному Мачетэ. И там этих кубинцев разделают на ливер как скот.

– Вы нам прямо какие-то фантастические страсти-мордасти рассказываете, милая Грессия. – сказал усмехаясь Стефенсон.

– Ох, джентльмены! – воскликнула Грессия. – Вы такие наивные, словно с другой планеты к нам прилетели. Да в нашей грешной жизни ещё и не такое бывает.

– Но насколько я наслышан, мэм, – сказал Форстер, – Гранит специализируется на торговле героином, ну и другими наркотиками приторговывает немного. А чтобы он ещё человеческими органами торговал, это мало вероятно.

– Да он жадный как Скрудж Макдак, – возразила Грессия, – он за всё подряд хватается, на чём можно большие деньги по быстрому срубить. Вот значит нашупал ещё один источник для наживы.

– А вы уверены, мэм, что скотобойни Мачетэ находятся где-то здесь, неподалёку? – спросил с равнодушным видом Форстер. – Я что-то слышал про этого дона Мачетэ, только я почему-то думал, что его скотобойни расположены на западном побережье Флориды.

– Что вы, сэр?! – сказала сверкая возбуждённо глазами Грессия. – Ближайшая от сюда скотобойня дона Мачетэ «Глория» находится совсем рядом с Голливудом по направлению к Тамараку.

– О, извините господа, но мне надо срочно вас покинуть! – воскликнул взглянув на свои часы Гилберт Форстер. Словно он вдруг вспомнил о чём-то очень важном, о чём он забыл, а теперь вдруг неожиданно вспомнил.

– Да брось, Гил, – удивлённо сказал Стефенсон, – какие сейчас у тебя могут быть дела? Мы же на отдыхе? Расслабься, Гил, дела подождут.

– Нет, извини, Игги, извините, сеньориты, но мне надо срочно вас покинуть. И да, Игги, машину я забираю.

– А мы на чём поедem, Гил?

– Вызовите такси, а мне машина нужна прямо сейчас, уж извините.

Гилберт Форстер поспешно вышел из бара, остальные проводили его удивлёнными взглядами. А Форстер сел в автомобиль и помчался на большой скорости сначала вдоль пляжа, а потом свернув на дорогу с дикой растительностью, поехал в направлении Тамарака. Он долго ехал по совершенно безлюдной местности, но когда уже начало темнеть, навстречу ему на лошадях выехали четверо ковбоев, гнавшие стадо чёрных коров и быков, голов триста. Форстер поравнялся с одним из ковбоев, он высунул голову из окна автомобиля, обратившись к ковбою с вопросом:

– Здравствуйте, сэр, разрешите спросить, как проехать к скотобойне «Глория»?

– И вам здравствовать, сеньор. – ответил ковбой и показал рукой в право от себя. – Вам надо ехать туда, сеньор, прямо по этой дороге не сворачивая.

– Спасибо, сеньор. – сказал Форстер и поехал в указанном ему направлении.

Вскоре Гилберт Форстер подъехал к забору, высотой в три метра. Оставив автомобиль на этом месте Форстер, выйдя из машины, на всякий случай навигатор и свой Айфон закопал рядом у забора и прошёл вдоль забора к широким воротам. У ворот были выступы и цепляясь за них он перелез во внутренний двор. И тут его сбил с ног огромный ротвейлер. Форстер сжался всем телом лёжа на спине, стараясь не двигаться, чтобы не вызывать дальнейшей агрессии собаки. Пёс учащённо дышал у самого лица Форстера, горячий язык собаки касался его носа, рта и обильная слюна затекала в нос, отчего хотелось чихнуть, стекала по щеке, затекая в правое ухо, а тяжёлое дыхание пса обволакивало всё лицо словно густой удушливый смог, вызывая тошноту. Форстер так же слышал, что ещё три собаки учащённо дыша стоят рядом, готовые разорвать его на куски, как только он попытается встать. Тут Гилберт Форстер услышал топот человеческих ног. Кто-то оттащил от него собаку и тут же его сильно пнули ногой в правый бок. Форстер съёжился от боли, но сохранил сознание и слегка приподняв голову, огляделся по сторонам. Он увидел справа от себя толстого коротышку, на вид лет пятидесяти.

Очевидно именно коротышка только что пнул Форстера ногой в бок. В это время к Форстеру с противоположной стороны подошёл смуглый высокий тощий юноша, по виду лет двадцати отроду и свирепо оскалив зубы пнул Форстера в левый бок.

– Ну ты лежебока вставай живей! – выкрикнул гнусаво бородатый коротышка и ещё раз со всей силы ударил Форстера в правый бок. – Давай вставай живей, хватит своим грязным задом землю мять!

– Ты что глухой, что зенки пялишь, делай что велят? – крикнул высоким голосом с надрывом юноша, так же сопроводив свой крик ударом Форстеру в левый бок своей ногой. – А ну живо вставай гавнюк, пока силой не подняли. А поднимем силой, так больше уже сам не встанешь, а ну вставай живей!

Гилберт Форстер приподнялся, стараясь сохранить сбитое ударами дыхание и вгляделся в окружавшую его темноту. Четверо людей с трудом удерживали ротвейлеров рвущихся накинуться на Форстера, чтобы вцепиться в него своими огромными белыми клыками. Чуть поодаль стояли ещё четверо людей с автоматическим оружием в руках. Рядом с права стоял толстый бородатый коротышка, с лева длинный и тощий молокосос, а за спиной толстяка высокий атлетического вида тридцатилетний на вид брюнет, как и на остальных на нём были синие джинсы и синяя джинсовая куртка поверх чёрной футболки. По тому, как подобострастно остальные смотрели на него, он был здесь главный.

– Сеньор Марселло, – обратился толстяк к тридцатилетнему атлету, – что будем делать с этим двуногим?

– Разберёмся, Себастьян, разберёмся. – сказал атлет. – Ну, что ты за птица такая? – обратился он к Форстеру, свирепо глядя из-под густых чёрных бровей. – Откуда и зачем к нам на насест залетел?

– Я заблудился, я вообще не здешний, зовут меня Шарль Перо, я рекламный агент, приехал сегодня днём из Нью-Йорка в ваши очаровательные места, давно хотел здесь побывать, вот наконец осуществил свою давнюю мечту, в баре познакомился с очень милой сеньоритой, был у неё в гостях, потом поехал от неё в свой мотель и заблудился.

– Заблудился говоришь говорливый? – сказал небрежно сплюнув в сторону Форстера атлет. – А зачем через забор к нам полез пернатый?

– Но что же делать, уже вечер, стемнело, а местность незнакомая и как оказалось в машине, которую я взял на прокат, нет навигатора, и никого вокруг чтобы спросить дорогу? А у вас свет горит, кричал, кричал, ни кто не отозвался, но слышу люди есть, чем-то заняты, вот и не услышали меня, думаю попрошусь-ка на ночлег до утра или спрошу дорогу к мотелям, вот и полез. – сказал Форстер, изобразив на своём лице глупое выражение.

– Так значит, под дурачка молотишь пернатый и нас за дурачков держишь? – сказал опять небрежно сплюнув в сторону Форстера атлет. – Ладно, Себастьян, отвезите пока эту заблудшую пташку в наше логово. Возьмёшь к себе в помощники Мануэля, – и атлет показал на длинного юношу, – А я сейчас закончу с сортировкой ливера и сразу подъеду к вам. Тогда мы разберёмся, что это за птица такая.

– Хорошо, сеньор, – прохрипел в ответ толстяк, – Давай, иди вперёд пернатый, – толкнул он в спину Форстера, – А ты, Ману, – обратился он к длинному юноше, – открывай багажник.

Впереди пошёл длинный, за ним Гилберт Форстер, которого постоянно толкал в спину толстяк. Они подошли к стоящему недалеко от ворот старенькому зелёному Форду, местами с вмятинами на капоте, местами исцарапанному. Длинный открыл багажник, а толстяк толкнул Форстера на капот машины.

– А ну, давай сюда руки. – прохрипел толстяк, заворачивая Форстеру за спину руки и длинный тут же надел на запястья Форстера наручники. Потом они запихали Гилберта Форстера в багажник, захлопнув дверцу над ним. Длинный суетливо подскочил к левой двери Форда и сел за руль. Толстяк пыхтя от утомительного для него запихивания клиента в багажник под-

брёл к правой двери машины, сел рядом с длинным на переднее сиденье, ворота открылись и Форд выехал в вечернюю темноту.

– А мужик то этот похоже здоровяк. – сказал Мануэль, внимательно вглядываясь в освещённую фарами дорогу. – Я бы с ним не канителился, а сразу, вместе с кубинцами на ливер разделал. Из него хороший ливер получится, дорогой, я даже не сомневаюсь.

– Мы с тобой слишком мелкие сошки, Ману, чтобы рассуждать, что с кем делать. – ответил Себастьян. – Сеньор Марселло лучше знает, кого надо сразу на ливер пускать, а кого лучше сначала пощупать, что он за птица такая разэтакая. А уж потом решать, что с этой птицей дальше делать.

Форд выехал на вантовый мост. Ночная тьма давно окутала окружающее пространство, а освещение моста давало лишь немного света и мост казался висящим в воздухе. Несмотря на ночь, влажная духота наполняла воздух и даже ветер с реки не освежал. А в салоне Форда не было кондиционера и внутри автомобиля было ещё более душно и жарко, чем на улице. Себастьян достал банку пива из сумки лежащей на заднем сиденье, открыл её и с жадностью стал пить. При этом на его губах образовалась обильная пена, а внутри тела разливалась хоть и временная, но прохлада. Мануэль с завистью поглядывал на него, ему тоже ужасно хотелось припасть губами к банке пива, но он боялся оторваться от руля, чтобы достать из сумки себе пиво. И попросить Себастьяна, чтобы тот достал ему пиво, он тоже боялся, так как знал по опыту, что любые для себя просьбы вводят Себастьяна в гнев. Себастьян был слишком озабочен своим статусом и считал для себя оскорбительным, если низший по рангу обращается к нему с пустяковой по его мнению просьбой.

– Да жарковато сегодня. – сказал Мануэль, в душе надеясь, что Себастьян сам поймёт, что Мануэлю тоже хочется пить и сам достанет для него пиво.

Но Себастьяну как всегда было наплевать на окружающих и он продолжал смаковать своё пиво, не обращая внимание на обливающегося потом Мануэля.

Мануэль безнадежно вздохнул, с мукой в голосе пролепетав:

– Ладно, ничего, сеньор Себастьян, скоро будем на месте, там как следует охладимся. Я вот с большим удовольствием искупнусь под душем после этого пекла.

– Тебе то что жаловаться, худая вошь? – сердито процедил сквозь зубы Себастьян. – Ты тощий как сухой лист, а вот мне, при моей то обширной комплекции какого?

– Ничего, сеньор, скоро приедем на место, там охладимся. – сказал удручённо морщась Мануэль. Он понял, что от Себастьяна сочувствия не дождёшься и придётся терпеть жажду пока они не приедут на место.

Гилберт Форстер находясь в тесном багажнике страдал от ещё большей жары и духоты. Лёжа на левом боку свернувшись калачиком, он бился постоянно затылком в звонкое железо, а его подбородок о твёрдые колени. Завёрнутые за спину руки, сцепленные наручниками, затекли, ноя от нестерпимой боли. Казалось, что руки распухли до невероятных размеров и если машину в очередной раз резко встряхнёт, то руки лопнут от натуги, заляпав своими разорванными кусками, и кровью весь багажник. Форстер перевернулся на спину, притянул как можно ближе к себе согнутые в коленях ноги, а потом с невероятным усилием просунул ноги между рук, преодолевая при этом адскую боль в руках и пояснице. В итоге его руки, скованные наручниками, оказались впереди туловища. Потом Гилберт Форстер растёр кисти рук, покрутил браслеты наручников на запястьях, пытаясь разогнать кровь и смягчить таким образом судорожную боль от затекания рук. Кожа на запястьях разодралась и потекшая от этого горячая кровь значительно ослабила судорожную боль, после чего Форстер почувствовал некоторое приятное ощущение в своих руках. Затем он зацепил кольца у перемычки на наручниках так, чтобы они были на излом и стал скручивать запястья, пытаясь порвать перемычку соединяющую браслеты наручников.

– У-у-у! – завыл Гилберт Форстер, преодолевая боль в запястьях рук.

Перемычка на наручниках никак не поддавалась его усилиям, а боль в руках становилась всё более резкой. Тогда Гилберт Форстер засунул правую ногу между рук, вплотную прижав их к перемычке наручников и стал снова с усилием скручивать запястья, давя правой ногой на руки, помогая им разорвать перемычку на наручниках. Жгучая боль пронзала насквозь уже не только руки, но и затекшую правую ногу. Гилберт Форстер ещё больше вспотел, казалось из его тела вытекают сотни водопадов尼亚гары.

Наконец перемычка на наручниках лопнула. Форстер размял кисти рук, покрутил на запястьях браслеты. Хотя перемычка на наручниках была порвана, но сами браслеты всё ещё давили на опухшие запястья и из под них струилась липкая кровь. Потом немного подумав, Гилберт Форстер стал с силой лупить левой ногой в крышку багажника. Изредка он добавлял удар в крышку и правой ногой. Однако правая нога всё ещё ныла и больше приходилось бить левой ногой. От этих ударов в салоне автомобиля раздавался оглушительный мерзкий грохот. От этого грохота у Себастьяна и Мануэля закладывало уши, звенело в мозгах, добавляя к давящей духоте дополнительных нестерпимых мук.

– Да что же этот идиот делает? – зло прошипел сквозь зубы Себастьян, а потом обернувшись в сторону багажника, закричал изо всех сил. – Эй ты, урод, прекрати стучать, мразь! А то мы тебе сейчас так настучим, что пожалеешь что родился, собака!

Стук из багажника стал ещё интенсивней, отчего Себастьян и Мануэль ощутили в своих ушах и мозгах ещё больший звон и более пронзительную острую боль.

– Да что же этот ублюдок творит?! – голос Себастьяна дрожал от гнева. – Ну подожди стервец, мы тебе сейчас устроим стукотню! А ну, Ману, останови-ка машину.

Мануэль остановил Форд, стук в багажнике сразу прекратился.

– Что затих?! Обосрался?! – повернувшись в сторону багажника зло прохрипел Себастьян. – Раньше надо было вести себя тихо, собака блохастая, а сейчас мы с тобой пошумим. – Себастьян повернулся истекающим потом лицом так же к взмыленному жарой Мануэлю. – Давай, Ману, – сказал Себастьян свирепо сверкая потными глазами, – выйдем на воздух, поучим этого барабанщика хорошим манерам.

Мануэль и Себастьян вышли из машины, обойдя Форд сзади Мануэль открыл крышку багажника и Себастьян с Мануэлем стали всматриваться в темноту багажника, капая потом на Форстера. Освещение моста и звёзды в небе частично позволяли разглядеть силуэт Форстера. Гилберт Форстер лежал теперь на правом боку, сжавшись калачиком и изобразив на лице испуг, руки он держал за спиной, словно они всё ещё были скованны наручниками.

– Что сдрейфил, гавнюк? – зловеще прошипел Себастьян. – А ну вылезай, мразь, давай вылезай, вылезай. Сейчас мы тебе объясним в деталях, что такое хорошие манеры и каким надо быть очень смирным, когда имеешь дело с такими как мы серьёзными людьми. – он повернулся к Мануэлю, вытирая платком обильный пот и сверкая довольным лицом от предвкушения предстоящего удовольствия, в процессе избивания клиента. – А ну, Ману, помоги-ка этому притихшему гавнюку выкарабкаться наружу. А то я вижу, он от страха уже полные штаны наложил. Сам уже не в состоянии поднять свою взмокшую от страха задницу.

Мануэль наклонился над Гилбертом Форстером вцепившись в его бока и стал с усилием тащить Форстера из багажника. В ответ Форстер сжал всё тело, по прежнему свернувшись калачиком. Руки он держал за спиной, переплетя пальцы рук так, чтобы случайно не расцепить руки и не выдать то, что перемычка на наручниках у него порвана. Вытащить из багажника такого пассивного Форстера Мануэлю было особенно тяжело. Но Гилберт Форстер и не собиравшись помогать вытаскивать себя из багажника. А Мануэль изо всех сил напрягался выволакивая тяжеленного мужика скрючившегося в багажнике, проклиная при этом эту застрявшую в багажнике упрямую тварину, совершенно не желающую самостоятельно выбираться наружу. И мысленно несусветно матеря заносчивого Себастьяна, не делающего даже намёка на то, что он хоть как то собирается помогать Мануэлю, а лишь смачно опорожняющего уже пятую

банку пива, и не дающему малейшей возможности освежиться пивом уже давно страдающему от жажды Мануэлю. Мануэль зло шипел, таща Форстера наружу:

– Вылезай, гад, вылезай! Что притих, зараза?! Раньше надо было тишину блюсти. А сейчас мы будем тебя сильно, сильно учить, как надо правильно себя вести с такими почтенными людьми, как мы.

Наконец Мануэль, напрягаясь изо всех сил выволок Форстера из багажника, сбросив его на бетонное покрытие моста. Ударившись левым боком Гилберт Форстер ощутил острую боль во всём теле и особенно левой руке, словно его долбануло током. В добавок Мануэль зло изо всех сил пнул Форстера в живот, но удар о бетон был столь сильным, что пинок Мануэля Форстер уже не ощутил. Мануэль зло шипя с пеной у рта пнул ещё раз.

– А ну вставай, гад! – завопил Мануэль, снова вцепившись в Форстера своими напрягшимися пальцами, пытаясь поставить его на ноги. Отдышавшись после удара о бетон Гилберт Форстер сам встал пошатываясь.

Себастьян подошёл к Форстеру с права, кривя с отвращением свой рот и прошипел брызгая слюной сквозь зубы:

– О наглая рожа! А ну получи для начала, гад!

Себастьян размахнулся нанося Форстеру удар в челюсть, но Форстер увернулся и схватив Мануэля за бока, подставил его под удар Себастьяна. Послышался сильный хлопок в голову Мануэля и тот упал под ноги Себастьяну словно мешок. А Форстер тут же вскочил на бок Мануэля, как на подставку и ударил Себастьяна браслетом от наручников на правой руке прямо в зубы. Себастьян отлетел к перилам моста, разбрызгивая в полёте свои зубы вместе с кровью. Выбитые зубы ударились в пилон моста и рикошетом отлетели назад, обстреляв лицо Себастьяна. Но тот сохранив сознание и зло скрежеща остатками зубов, поднялся цепляясь за перила моста и достал из ножен, закреплённых на правой голени, широкий нож. Лезвие ножа ярко засверкало в освещении моста. Кровь заливала лицо, бороду, рот Себастьяна и его зло оскалившийся анфас сверкал чудовищной маской в освещении моста, делала его лик особенно свирепым, он угрожающе направился в сторону Форстера, а рядом с Форстером зашевелился и потом тяжело дыша стал подниматься Мануэль, и когда Себастьян резко дёрнулся вперёд, целясь лезвием ножа в горло Форстера, Форстер пригнулся, и подхватив поднимающегося Мануэля, пихнул его в ноги Себастьяна, а сам отскочил к перилам моста. Мануэль и Себастьян свалились перемешавшись в клубок, мешая друг-другу подняться. Наконец более ловкий Мануэль смог подняться и тут же кинулся на Форстера, но Форстер пригнувшись, схватил Мануэля за ноги, закинул его себе на плечи, и тут же выпрямился, скинув таким образом Мануэля в реку. В ночной тьме послышался громкий всплеск разорванной телом Мануэля воды. Форстер взглянул краем глаза через правое плечо на реку, не упуская из виду так же и встающего Себастьяна. На водной поверхности расходились широкие круги, а слева к нему приближался, сверкая лезвием ножа Себастьян. Когда Себастьян резко кинулся к Форстеру, пытаясь прочертить по его лицу лезвием ножа, Форстер отскочил вправо от перил моста, успев ударить ногой Себастьяна в левое колено. Раздался треск в колене Себастьяна и тот взвыл от боли, но ещё крепче сжал рукоять ножа и придерживаясь свободной левой рукой за перила моста развернулся лицом к отскочившему от перил Форстеру и снова двинулся на своего врага, сверкая лезвием ножа. Форстер сложил кисти рук в замок и разбежавшись ударил Себастьяна в лоб браслетами от наручников. Раздался звон, будто ударили железом в железную же пустую бочку. Себастьян отлетел к перилам моста, ударившись поясницей так, что раздался хруст ломающихся позвонков. И тут же Себастьян перелетел через перила моста в ночную темноту, сверкнув напоследок в воздухе своими ногами. Освещённый огнями моста Себастьян с искажённым от страха и боли лицом понёсся на встречу речным волнам. В это время в реке бултыхался вынырнувший Мануэль, выплёвывая воду и жадно глотая воздух. И когда Мануэль в очередной раз раскрыл рот, чтобы глотнуть воздух, его в зубы ударила голова подлетевшего

Себастьяна. Раздался звук словно от взорвавшейся бомбы. И оба скрылись в глубинах, разорвав воду двухметровым всплеском воды. Форстер держась за перила моста и тяжело дыша, посмотрел вниз на водные круги, оставленные телами утопленников. Когда водная гладь успокоилась и его дыхание стало более ровным, и спокойным, он подошёл к машине, захлопнув багажник. Потом сел за руль, достал из сумки на заднем сиденье банку пива и жадно осушил её. По телу растеклось прохладой блаженное облегчение. Он захлопнул дверь, развернул автомобиль в обратном направлении и помчался по мосту, а затем по обрамлённой кустарником дороге, выжимая из автомобиля предельную скорость.

Вскоре Гилберт Форстер подъехал к мотелю, который они сняли вместе со Стефенсоном, он вышел пошатываясь из машины, открыл дверь мотеля, вошёл внутрь и тут же наткнулся на стоящий у двери шкаф. Шкаф упал набок, издав оглушительный грохот. Форстер зажёл свет. На кровати с права сидел взъерошенный Стефенсон, пытающийся разлепить слипающиеся от сна веки. А у второй кровати слева стояли очумевшие от неожиданности и совершенно голые Грессия и Доминга, жмурясь от яркого света.

– Что с вашим лицом, сэр? – спросила, очнувшись первой от неожиданности, Грессия.

Вид у Гилберта Форстера был действительно впечатляющий. Левая щека была разодрана в кровь и сильно опухла. Нижняя губа тоже вспухла в кровоподтёке. К тому же он был сильно забрызган кровью Себастьяна. На запястьях, вокруг браслетов от наручников тоже запеклась кровь и сами запястья сильно распухли, так что казалось, что кисти рук лишь прилеплены к запястьям, и в любую секунду могут отвалиться.

– Ох, какой ужас! – пролепетала, пришедшая в себя, следом за Грессией Доминга.

– Да уж, видок, так видок. – подытожил общее впечатление от увиденного, последним оправившись от шока Стефенсон. – Кто тебя так разукрасил, Гил, где ты был, что с тобой случилось?

– Всё отлично ребята! – сказал весело Гилберт Форстер. – Я только что провернул удачную операцию, лично познакомился с самим Марселло Скинвалксом, одним из главных помощников Гранита. Думаю на этот раз я смогу прижать этих бандюг к стенке. Торговля человеческими органами, это вам не торговля наркотой. Тут им не удастся надёжно спрятать следы преступлений.

– Брось это опасное дело, Гил. – сказал озабоченно Стефенсон. – Пусть этим полиция занимается. А ты найди себе что-нибудь безопасное и по престижней.

– Нет, Игги, у меня личные счёты с Гранитом, а теперь и с его ближайшим подручным тоже. Да и торговля человеческими органами, это такое преступление, которое нужно пресечь как можно быстрее. И я этих негодяев обязательно сделаю, Игги, и в ближайшее же время, будь уверен! Я их сделаю!

Форстер положил свою правую руку на плечо сидящего на кровати Стефенсона, сильно сжав его.

– Хватит, Гил, прекрати, у меня опять от твоей клешни синяк выступит. – застонал Стефенсон, было странно смотреть на этого гиганта, хнычущего словно маленький ребёнок от стиснутого рукой Форстера плеча. – Хватит, Гил, хватит, если тебе нравится ходить с синяками, ходи, а меня избавь от этих украшений.

– Ладно, Игги, не обижайся. – Форстер отпустил плечо Стефенсона, уже слегка похлопав его по обширной спине. – Прости, Игги, прости, а этих бандюг я всё таки сделаю, обещаю.

Однако нагрянувшая с обыском на скотобойню «Глория» полиция не смогла найти никаких следов преступлений. И Гилберт Форстер в очередной раз проиграл.

Глава 4

Крио-фирма «БУДУЩЕЕ с ТОБОЙ»

Вернувшись 30 мая 2017 года в город Лос-Анджелес, Гилберт Форстер в десять часов утра подъехал на своём Шевроле к площади «Равенства», остановившись перед парадным входом в крио-фирму «БУДУЩЕЕ с ТОБОЙ». Через переднее стекло автомобиля он просматривал площадь в мощный бинокль. Одет был Форстер в белый костюм, белую рубашку, чёрные ботинки и чёрный галстук.

В это время в центральный вход фирмы вошли двое посетителей. Это были супруги, Ирвин Смит, старичок 80 лет, среднего роста, лысый, слегка сутулый и полноватый. Одетый в синюю джинсовую куртку, синие джинсы и синие кроссовки. И Камила Смит, старушка 78 лет, сухонькая, среднего роста, с коротко стриженными седыми волосами. На ней была белая куртка, белые брюки и белые кроссовки. В холле фирмы их встретила медсестра Ньюман, женщина чуть ниже среднего роста, на вид лет 25. Одета медсестра Ньюман была как большинство работников крио-фирмы в синие брюки, белый халат поверх синей блузоны, на ней так же была синяя медицинская шапочка и чёрные ботинки. Ньюман провела супругов в зал для приёма посетителей. На стене зала был большой, в треть стены, телевизор. Ньюман взяла пульт от телевизора и включила его. На экране появился сосуд Дьюара, выглядевший как металлический цилиндр. Стальная крышка с передней стороны сосуда открылась и стало видно внутреннюю пустоту сосуда. Супруги Смит уставились на экран телевизора с выпученными от удивления глазами. А Ньюман лишь мило улыбнулась им, показывая пультом на экран.

– Вы удивлены, господа? – сказала медсестра Ньюман. – Но как мы уже информировали вас по электронной почте, тела наших замороженных клиентов хранятся в таких вот сосудах Дьюара.

– Это что, нас запихают после смерти в такую вот трубу? – озадаченно произнесла Камила Смит.

– Это не труба, миссис Смит, а совершеннейшее современное оборудование предназначенное для постоянного поддержания низкой температуры, чтобы человеческая плоть сохранялась без повреждений бесконечно долгое время. Своего рода стальная спальня, для так сказать временного усопшего пациента. Ведь наши клиенты только формально считаются мертвыми, но потенциально они лишь временно хранятся замороженными в таких вот своего рода саркофагах. А когда по контракту подойдёт время размораживать клиента, мы его разморозим и оживим в том возрасте, который клиент заказал. Ну конечно кроме детского. Возраст в котором человек ещё растёт можно воссоздать только в случае клонирования. И хочу сказать главное, господа, наша фирма обладает наиболее передовыми на сегодняшний день технологиями по замораживанию и размораживанию биологических объектов. И самым передовым оборудованием. Так что вы, господа, сделали лучший выбор, обратившись за замораживанием именно в нашу крио-фирму. Более качественной услуги по замораживанию биологических объектов и на таких выгодных как у нас условиях, вам не найти.

– Однако, миссис Ньюман, для нас замораживание всего тела слишком дорого. – робко пролепетала Камила Смит. – Нам говорили, что можно получить почти такие же результаты и при замораживании только лишь мозга.

– Да конечно, миссис Смит. – скривила в ответ недовольно свой рот Ньюман. Она нажала кнопку на пульте и на экране телевизора появился стальной бочонок. – Вот, господа, вы видите сейчас сосуд Дьюара для замораживания мозга. Я показала вам на экране сначала сосуд для замораживания всего тела только потому, что обычно большинство наших клиентов хотят

быть замороженными целиком. Но вы правы, замораживать всё тело целиком для последующего восстановления всей человеческой сущности вовсе не обязательно. Достаточно заморозить только мозг и часть стволовых клеток, для клонирования остальных частей тела и эффект будет даже лучше. Ведь в этом случае можно воссоздать даже детский возраст. И стоит это к тому же намного дешевле. Наиболее умные люди так и поступают. Но большинство клиентов почему-то настаивают на замораживании всего их тела.

– Нет, нам не обязательно замораживать всё тело, ведь надо хотя бы что-нибудь похоронить ради обычая. – сказала удовлетворённо Камила Смит и повернувшись к мужу, произнесла вопрошающе. – Правда, Ирвин?

– Конечно, дорогая, – ответил ей Ирвин Смит, – нам главное чтобы оживлёнными быть через сто лет и главное чтобы одновременно. Но детский возраст нам не нужен. Нам надо чтобы взрослыми нас оживили. И по цене чтобы доступно было.

– Да конечно, – сморщила лстивую улыбку медсестра Ньюман, – наша крио-фирма заботится и о клиентах с низкими доходами, и у нас предусмотрена возможность оплачивать заказ на заморозку в рассрочку на год, на пять лет и даже на десять лет. Конечно, чем больше разбивка платежа по годам, тем выше общая сумма. Поэтому выгодней всё же оплатить заказ сразу. Но каждый клиент разумеется решает сам, что для него выгодней. И конечно, чем на более длительный срок клиент хочет отсрочить свою разморозку и оживление, тем дороже. Ведь постоянное поддержание низкой температуры в сосуде Дьюара довольно затратно. Но в вашем случае замораживание двух мозгов всего на сто лет, это доступно практически каждому пенсионеру.

– Это всё хорошо, миссис Ньюман, а как насчёт возраста, – спросила взволнованно Камила Смит, – в каком возрасте нас оживят? Не хотелось бы оживать слишком старыми. Как заказанный возраст влияет на цену?

– Возраст при оживлении можно заказать любой, миссис Смит. И на цену это ни сколько не влияет.

– Действительно любой возраст, миссис Ньюман? – воскликнула, расплывшись в довольной улыбке Камила Смит. – Это замечательно! Правда, Ирвин? Нам бы тогда хотелось, чтобы Ирвина оживили в двадцать шесть лет, а меня в двадцать четыре года. Ведь так, Ирвин, ты согласен? Ты же помнишь, дорогой, когда мы с тобой встретились, тебе было как раз двадцать шесть лет, а мне двадцать четыре годика? Какое замечательное было время! Тот день был таким тёплым и свежим, в небе так ласково светило солнышко, и так восхитительно пахли розы, которые ты мне тогда подарил. Помнишь, дорогой?

– Помню, дорогая, конечно помню. – лицо Ирвина Смита при этих словах засияло как то солнышко. – Ты замечательно это придумала, дорогая, конечно хорошо, если мы через сто лет снова оживём в том же возрасте, как тогда, при нашей первой встрече. И снова взявшись за руки пойдём по жизни прославляя милостивого Бога за каждый дарованный нам добрый день.

Ирвин Смит подошёл к Камиле Смит, нежно обнял её за плечи и они так, прижавшись друг к другу, стояли мечтательно глядя ввысь, нежно улыбаясь своему будущему счастью. Медсестра Ньюман нервно задёргалась теряя терпение. Тратить слишком много своего времени на этих нищбродов, решивших заключить договор лишь на крионизацию своих мозгов, ей не хотелось.

– Господа, господа, – нервно запричитала она, – если вы уже окончательно решили заключить с нашей фирмой контракт на замораживание ваших мозгов, так не будем зря терять время. Давай-те прямо сейчас подпишем документы.

– Да конечно, давай-те закончим начатое дело поскорей. – сказала смущённо улыбаясь Камила Смит. – Не будем, дорогой, зря отнимать у людей их драгоценное время. Нам то старикам уже спешить некуда, а у них дела не ждут.

– Разумеется, дорогая, не будем тянуть время. – ответил с деловым видом Ирвин Смит.

– Кстати, господа! – сказала оживившись медсестра Ньюман. – Многие наши клиенты поручают нам так же контролировать их денежные вклады, а если у них есть свой бизнес, то и его, пока они будут в сосудах Дьюара дожидаться своей разморозки и оживления. Это очень удобно, господа, в будущей жизни сразу после оживления получаешь свои сбережения вместе с набравшими за прошедшие годы процентами,ходишь в управление своим сохранённым бизнесом и можно продолжать по новой успешно жить.

– Нет, – ответила Камила Смит, – всё своё состояние мы хотим оставить детям. У нас их двое, ещё четверо внуков и трое правнуков. Надо всё оставить наследникам.

– А вы то сами как будете жить в будущей жизни? – возразила с озабоченным видом медсестра Ньюман. – Начинать новую жизнь совершенно без средств, это как-то уж очень беспечно.

– Да, дорогая, мы об этом как-то не подумали. – сказал с растерянным видом Ирвин Смит. – Надо подумать о своей финансовой состоятельности в будущей жизни, дорогая.

– Совершенно с тобой согласна, дорогой. – ответила смущённо Камила Смит. – Надо позаботиться обо всём в будущей жизни. Хорошо, тогда мы пожалуй поручим вашей фирме, миссис Ньюман, заботу о наших с Ирвином сбережениях, пока наши с ним мозги будут находиться в заморозке ожидая оживления. А то действительно, остаться в будущем совсем без средств, это плохая перспектива для человека. А дети, они уж сами как-нибудь о себе позаботятся.

– Это правильное решение, дорогая. – сказал с деловым видом Ирвин Смит. – О себе тоже надо думать. А то действительно, начинать жизнь через сто лет совсем без средств, это опасно и не разумно. Мало ли что там через сто лет будет. А дети, они и так сейчас хорошо устроены.

– Это очень мудрое решение, господа. – сказала расплываясь в довольной улыбке медсестра Ньюман. – Так все разумные люди поступают. И так давайте, господа, уточним все пункты вашего с нами контракта и заключим уже наконец нашу сделку. Что зря тянуть время, господа, раз уж вы приняли окончательное решение по заморозке своих мозгов.

– Конечно, – сказала деловито Камила Смит, – закончим это дело поскорей, не будем тянуть раз уже всё решили.

В это время за происходящим в зале для приёма посетителей наблюдали из кабинета этажом выше. Это был кабинет профессора Покована, одного из ведущих специалистов этой криофирмы. В кабинете находился сам профессор Покован и старшая медсестра, ассистентка профессора Покована, миссис Скот. Покован был семидесяти трёхлетним мужчиной ниже среднего роста, очень худой, с трясущимися руками, казалось со стороны, что вот он сейчас тряхнёт своими костлявыми ручками и рассыпется в прах. Голова у него была как бы квадратная, угловатая, словно слепленная кое как неумелым скульптором. Большая часть головы была лысой, но в данный момент прикрыта синей медицинской шапочкой, лишь по краям черепа, из под шапочки, торчали жидкие седые волоски. Медсестра Скот внешне выглядела на фоне Покована огромной, но тоже нелепо слепленной глыбой. Было ей семьдесят лет, роста она была высокого, довольно толстая, особенно широко расширяясь в области бёдер. Так что походила миссис Скот на огромную, изрядно помятую, покорёженную грушу. Седые, но густые волосы были убраны на затылке в заплетённую косу, на которую была натянута сморщенная синяя медицинская шапочка.

Сам кабинет профессора Покована представлял из себя просторное помещение, с одной стороны которого всё пространство занимала прозрачная стеклянная стена, через которую хорошо просматривалась площадь «Равенства». На против этой стеклянной стены была входная дверь, с двух сторон которой были стенды с графиками. Справа от двери вся стена была усеяна двадцатью мониторами, по которым можно было наблюдать за всем происходящим

внутри крио-фирмы и на сто метров вокруг основного здания фирмы. Слева от двери стена была закрыта шкафами почти до самого потолка, в которых хранились документы. А перед стеной с мониторами, стоял рабочий стол профессора. На столе было ещё два монитора. В этот момент профессор Покован наблюдал по монитору стоящему на столе справа за происходящим в зале для приёма посетителей. На мониторе слева просматривалось помещение холла фирмы.

– Второй месяц одни нищие к нам навешиваются. – промямлил трясущимися губами профессор Покован. – Опять лишь крионизацию мозгов заказали. Если так дальше пойдёт, мы банкроты.

– Но, мистер Покован, они нам ещё и свои вклады отдают. – сказала, выпячивая толстые губы медсестра Скот.

– Да уж вклады. – промямлил в ответ недовольно морщась профессор Покован. – Небось какая-нибудь мелочь, так что порядочному человеку даже один раз поужинать как следует не хватит.

Покован недовольно смотрит как медсестра Ньюман подписывает контракт с семьёй Смитов, а потом провожает их к выходу. Покован морщась смотрит в монитор слева от себя, в нём видно, как Смиты выходят из лифта и идут через холл к выходу.

– Ах, дорогой. – говорит Камила Смит, нежно прижимаясь к правой щеке супруга своей левой щекой. – Только представь себе, дорогой, мы через сто лет снова будем такими же молодыми, как в ту нашу первую встречу и держась за руки будем идти рядом, такие же счастливые, как тогда, ах! – и Камила Смит нежно сжимает своей левой рукой правую руку мужа.

– Да, дорогая, так и будет! – восторженно произносит, сияя счастливыми глазами Ирвин Смит, нежно прижимаясь своей правой щекой к левой щеке жены. – Через сто лет начнём новую счастливую жизнь. И проживём её праведно и здраво, молясь Богу, живя в любви между собой, и даря любовь всем добрым людям.

Смиты выходят на улицу, а в холл фирмы входит очень важный, высокий и полный мужчина в дорогом коричневом костюме, на фоне белой накрахмаленной рубашки сверкает усеянный мелкими бриллиантами серебристо-серый галстук. У мужчины чёрные курчавые волосы на голове, а под орлиным носом закрученные вверх пышные чёрные усы. При виде этого господина у Покована засверкали хищным блеском маленькие карие глазки.

– Миссис Скот, удача кажется на нашей стороне. – воскликнул, радостно потирая вспотевшие ладони профессор Покован. – На этот раз к нам пожаловал денежный мешок, сто процентов, печёночкой чую. И лопушок стопроцентный, как пить дать. Надо его основательно раскрутить по полной. Встретьте его и разогрейте хорошенько. А я присоединюсь к вам минут через пятнадцать. И я буду не я, если мы не на варимся на этом субъекте как следует.

– Хорошо, мистер Покован, можете быть спокойны, я никогда не подвожу. – ответила медсестра Скот, и чётко чеканя шаг, пошла охмурять дорогого гостя.

Гилберт Форстер наблюдая за площадью «Равенства» так же заметил вышедшего из чёрного Кадиллака Эскалэйд того же важного господина в коричневом костюме, которым заинтересовался профессор Покован. У Форстера при виде этого господина так же вспыхнул огонь воинственного азарта в глазах и Форстер выскочив из машины проследовал за важным господином в крио-фирму «БУДУЩЕЕ с ТОБОЙ». В руках у Форстера был шестой Айфон серебристого цвета, по которому он просматривал помещение холла, прежде чем туда войти. Как всегда перед такими операциями Гилберт Форстер заранее посетил крио-фирму и установил там скрытые видеокамеры, поэтому мог на дисплее своего Айфона просматривать почти все помещения фирмы. Следуя на невидимом расстоянии от важного посетителя, Гилберт Форстер наблюдал за ним через Айфон. А профессор Покован наблюдал за тем же посетителем через монитор, сидя в своём кабинете. В это время медсестра Скот встретила с важным господином в холле крио-фирмы, приветствуя его:

– Здравствуйте, сэр, добро пожаловать в нашу крио-фирму «Будущее с тобой». Я миссис Скот, ассистентка профессора Покована. Чем мы можем быть вам полезны?

– О, очень приятно познакомиться, миссис Скот. – произнёс, сияя покровительственным великодушием важный господин. – Я Освальдо Пиларес, частный предприниматель. Но моя профессиональная деятельность ни причём. К вам меня привёл сугубо личный интерес. Знаете ли, года идут, да что там идут, скорее бегут, летят. И начинаешь подумывать, как бы подольше пробежать этот жизненный путь. А ваша крио-фирма кажется как раз занимается тем, что помогает состоятельным людям несколько больше обычного покоптить эту нашу грешную землю.

– И не просто, как вы сказали, мистер Пиларес, покоптить, а полноценно жить практически вечно! – проговорила многозначительно закатывая вверх глаза медсестра Скот. – Впрочем, что же мы здесь стоим на виду у всех, уважаемый мистер Пиларес. Пойдёмте в приватное помещение, там нам будет комфортней беседовать.

– Ведите, миссис Скот, я весь в вашей воле.

– Что вы, мистер Пиларес, это наша обязанность следовать воле наших дорогих гостей.

Медсестра Скот провела Освальдо Пилареса в зал для приёма посетителей. За ними и незаметно для них, проследовал журналист Гилберт Форстер и стоя в коридоре, недалеко от входа в зал, продолжил наблюдать за ними через дисплей своего Айфона. А Освальдо Пиларес с деловым видом прошёлся по залу, внимательно разглядывая стены и удовлетворившись увиденным продолжил начатый разговор, шевеля толстыми губами словно бык пережёвывающий жвачку:

– Однако как я посмотрю, миссис Скот, клиенты в вашу морозилку не слишком ломаются? Один я дурак припёрся к вам сюда на заморозку словно лох, даже как то не по себе.

– Что вы, мистер Пиларес, у нас ведь бывают только ВИП клиенты. – сказала льстиво улыбаясь и даже как бы подобострастно съёживаясь медсестра Скот. – А людей знатных и богатых как известно, всегда немного в этом лучшем из миров. Как и настоящих драгоценностей, мистер Пиларес. И к нам важные клиенты заранее записываются на крионизацию и только потом уже хорошенько обдумывают своё решение, когда и как им подвергнуться крионизации. Иногда много лет обдумывают такое решение.

– Да уж, да уж. – произнёс шлёпая своими толстыми губами Освальдо Пиларес. – Да уж, чтобы самому себя решиться заморозить, это надо хорошенько обдумать. И не раз обдумать и не двадцать раз. А раз двадцать по двадцать и ещё двадцать раз.

– Но ведь, мистер Пиларес, крионирование тела клиента осуществляется уже после окончания жизненного цикла. А как предполагают современные учёные, в будущем можно будет и уже кончившихся оживлять. Так что крионирование, мистер Пиларес, это по сути путь к практическому бессмертию. Ведь обидно согласитесь, мистер Пиларес, что наша жизнь так быстро кончается. И так хочется, чтобы она никогда не кончалась?

– Да уж, да уж. – простонал словно протрубил в мощную трубу Освальдо Пиларес. – Когда-нибудь наша жизнь подходит к концу. И когда думаешь об этом, то чувствуешь себя поджаривающемся в кипящем масле. И мысль подвергнуться заморозке как-то приятно охлаждает. Хороший бизнес вы делаете, господа, очень перспективный бизнес. А уж цены у вас здесь просто сногшибательные. Сразу хочется поучаствовать в инвестициях.

– Да, мистер Пиларес, многие хотели бы поучаствовать. Но это только на первый взгляд выгодный бизнес. Вы как предприниматель конечно знаете, что для высокой прибыли важен не только спрос на продукт, но и платёжеспособность потребителей. А крио-технологии пока очень дороги и доступны лишь немногим. Поэтому рентабельность этого бизнеса пока низка и лишь частично окупает затраты на новые исследования.

– М-м-да, вы меня разочаровали, миссис Скот. А я уж стал подумывать о вложениях в эту вашу морозилку.

Медсестра Скот льстиво улыбаясь и слегка отступая корпусом назад, делая жеманные движения, вкрадчиво сказала:

– Что ж, мистер Пиларес, уверенна, вы найдёте достойное применение вашим деньгам и в других видах бизнеса. Для такого как вы представительного мужчины всегда найдутся выгодные варианты. А что касается высокой цены на наши крио-услуги, то это действительно связано исключительно с дороговизной самих крио-технологий. Однако согласитесь, мистер Пиларес, когда речь идёт о практическом бессмертии, то любая цена, как бы высока она не была, всё равно будет оправдана. Ведь как известно, в могилу с собой тащить богатство бессмысленно, оно там ни к чему. А в сосуд Дьюара вполне можно и даже нужно.

– Это что ещё за сосуд юара?! – воскликнул Освальдо Пиларес, делая удивлённые глаза.

– Сосуд Дьюара. – произнесла, чётко проговаривая каждую букву медсестра Скот. – Это такие огромные термосы из нержавеющей стали, в которых хранятся наши крионизированные клиенты. Своего рода крио-саркофаги. И это не просто термосы, мистер Пиларес, а совершенные технические устройства в которых поддерживается постоянная низкая температура за счёт регулирования содержания гелия для эффективной теплоизоляции в промежуточных стенках сосуда, а так же жидкого азота внутри основного корпуса для охлаждения тела клиента. И туда, мистер Пиларес, можно забрать с собой практически любую собственность. А в будущем, после разморозки и оживления, пользоваться этим богатством в своё удовольствие.

– Ах вот как?!

– Да, мистер Пиларес, при крионизации клиент может сохранить за собой всю свою собственность и после разморозки продолжать пользоваться своим богатством как, и раньше. Ведь он в этом случае только как бы временно умирает. А в будущем может быть вполне оживлён.

– Да, миссис Скот, быть оживлённым в будущем очень заманчивая, но к сожалению, довольно сомнительная перспектива. И богатство, миссис Скот, разные люди понимают по-разному. Положим несколько слитков золота с собой в этот ваш крио-саркофаг взять можно. Но в этом не будет ничего нового. Во все времена богатым покойникам клали в гроб золото и прочие драгоценности. И так же во все времена были охотники за этим добром разорявшие могилы богатых покойников. Так что, если человек хочет спокойно гнить в своей могиле, надо чтобы в ней вообще не было бы никаких ценностей.

– Но, мистер Пиларес, вы забываете, что сосуд Дьюара это не гроб в могиле и клиент там вовсе не гниёт, а сохраняется в целостности и сохранности. И в этот сосуд клиенты берут с собой лишь документы на собственность. А драгоценности хранятся в банковских ячейках. Так же у нас в договоре на крионизацию предусмотрена возможность передать нам во временное управление бизнес крионизированного клиента и контроль над его банковскими вкладами, на выгодных для него условиях. А потом, после разморозки и оживления, клиент получит все свои драгоценности, вернёт под своё управление собственный бизнес и в добавок получит проценты от прибыли. Всё в целостности и сохранности.

– Замечательно, нет, миссис Скот, это действительно замечательно! – воскликнул трубно хохоча Освальдо Пиларес. – И что же, миссис Скот, у вас есть клиенты которые передают вам права на свой бизнес, отдают на хранение все свои драгоценности, право распоряжаться их банковскими вкладами, да ещё и платят вам кругленькую сумму за свою заморозку?!

– Конечно. мистер Пиларес, очень многие, ведь это действительно очень выгодно. Тем более, клиенты нам не передают права на свой бизнес, а лишь передают право временно управлять их бизнесом, пока они сохраняются в сосуде Дьюара для полноценной жизни в будущем. И поэтому разорять сосуды Дьюара грабителям нет никакого смысла, так как в самих сосудах хранятся лишь замороженная плоть клиента. Тем более, ангары с сосудами Дьюара хорошо охраняются.

«Это понятно, зачем же грабить замороженного покойника, если он и так уже полностью ограблен.» – подумал, восторженно поднимая брови Освальдо Пиларес, а вслух сказал:

– Знаете, миссис Скот, всё что вы мне сейчас говорите, это просто пленительнейшая сказка! Лично я слушаю вас сейчас всё с большим и большим восхищением. И мне всё больше кажется, миссис Скот, что вы слишком скромничаете, утверждая, что этот ваш крио-бизнес малоприбылен. Лично мне, слушая вас, всё больше и больше хочется стать вашим инвестором.

– По поводу инвестиций, мистер Пиларес, к моему глубокому сожалению я вас проконсультировать не смогу, так как не имею на это полномочий. С этими вопросами вы сможете обратиться к руководству нашей крио-фирмы. А я лишь могу проконсультировать вас по предоставляемым нами услугам.

– Что же, миссис Скот, ваши крио-услуги мне тоже всё более и более интересны. Но ваши цены, не слишком ли они высоки, раз вы и так можете получать прибыль от управления бизнесом своих крионизированных клиентов?

– Да, мистер Пиларес, цены на крионизацию действительно высокие. Но как я уже говорила, это связано исключительно с высокой стоимостью самих крио-технологий. Даже с учётом находящегося на попечении фирмы бизнеса некоторых ВИП клиентов. И прибылей у нас в связи с этим вообще нет. Мы работаем исключительно ради высокой идеи, чтобы осуществить давнюю мечту всего человечества о практическом бессмертии.

– О, так вы альтруисты, работаете исключительно ради высокой идеи?! Так это значит у вас не коммерческая фирма, а благотворительное общество?

– Нет, формально наша крио-фирма зарегистрирована как коммерческая, мы ведь сами вынуждены зарабатывать на проведение научных исследований по крионике.

– Как интересно, миссис Скот. Вы по невероятно высокой цене запикиваете клиента в этот ваш крио-саркофаг. При этом, хоть и как бы на время, завладеваете его бизнесом. А сами ещё только пытаетесь что-то изучить в этой вашей науке замораживания. И похоже сами по настоящему даже не представляете, возможно ли будет вообще когда-нибудь без повреждений замораживать и размораживать человеческую плоть. Об оживлении трупов я вообще не говорю. И при этом у вас просто нет отбоя от богатых клиентов. Это просто восхитительно, миссис Скот.

– В этом вы не правы, мистер Пиларес, мы уже знаем, что сможем осуществлять эффективную крионизацию биологических объектов, не разрушая ткани тела. И этому есть реальные научные подтверждения. А что касается немисливо высокой цены на наши услуги, то ведь относительно высокая цена только на крионизацию всего тела. А если заказать после кончины крионизацию лишь мозга и части стволовых клеток, для последующего клонирования остальных частей организма, то это обойдётся намного дешевле. А эффект в итоге будет практически такой же.

– Ах вот как?! – воскликнул, удивлённо подняв густые брови Освальдо Пиларес.

– Да! – продолжила назидательно излагать свою проповедь медсестра Скот. – Как предполагается, результат будет абсолютно идентичный. Поэтому многие наши клиенты заключают контракт только на крионизацию мозга. Ведь согласно современной научной концепции душа человека сосредоточена исключительно в мозге. И поэтому достаточно сохранить только мозг, чтобы потом восстановить в целостности сущность всего человека.

– Что вы говорите, миссис Скот, современная концепция науки, душа находится только в мозге? А какая научная концепция будет через десять лет, а какая будет через сто лет? А вот раньше считалось, что душа находится в сердце. А кто-то утверждает, что душа находится во всём теле или вообще вокруг тела. А есть и такие умники, с научными степенями, которые заявляют, что души совсем нет. Так можно ли хоть в чём-то быть уверенным в такой ситуации, миссис Скот?! Где гарантии, миссис Скот, что весь этот ваш пиар с оживлением в будущем замороженных трупов, это не всего лишь элементарный развод на деньги?!

– Что ж, мистер Пиларес, в таком случае можно заключить контракт на крионизацию вашего мозга и вашего сердца. На цене это не очень отразится, а гарантии удвоятся.

– И это по вашему достаточные гарантии, миссис Скот?!

– Для достаточных гарантий, как вы сами понимаете, мистер Пиларес, хорошо бы учитывать сразу несколько фактов. Прежде всего, это конечно всё ускоряющийся прогресс в научных достижениях вообще. И разумеется, успехи в крио-технологиях в частности. И так же не менее важно, мистер Пиларес, принимать во внимание то, что лучшие люди нашего времени, так сказать наиболее успешные представители всего человечества, верят в крионику, платят за крионизацию себя большие деньги, а значит это действительно стоящее дело. Не могут же ошибаться все, мистер Пиларес? Тем более не могут ошибаться наиболее успешные представители всего человечества. Ведь как обычно говорят, дыма без огня не бывает, на всё есть своя причина. Раз многие, достигшие признания в обществе люди доверяют крионике и платят за крионизацию себя большие деньги, значит это того стоит.

– Что вы мне тут рассказываете, миссис Скот, успехи в крионике и в развитии науки вообще?! Вы мне сначала покажите на конкретных примерах эти успехи, а уж потом рассказывайте, стоит ли это хоть каких-то денег. А уж рассказывать мне о том, что раз какие-то там успешные люди в это верят, значит это того стоит, это извините, просто чушь! Да знаете ли вы, миссис Скот, сколько я за свою грешную жизнь таких успешных людей в дураках оставлял? Да у вас на голове волос столько нет, миссис Скот, сколько я этих успешных субъектов кинул за свою короткую жизнь. А вы мне предлагаете, только основываясь на этом, заплатить вам огромные деньги за то, что вы после моей кончины наделаете из меня консервов. Консервы мозг Освальдо Пилареса! Консервы сердце Освальдо Пилареса! Консервы печень Освальдо Пилареса! Консервы яйца Освальдо Пилареса! Нет, миссис Скот, мне нужны более убедительные доказательства!

– Что ж, мистер Пиларес, возможно у профессора Покована найдутся более убедительные доводы, он сейчас подойдёт. И как я вам уже говорила, мистер Пиларес, можно ведь оплатить крионизацию всего тела, если конечно сочтёте это для себя важным. А можно и не заключать с нами никакой сделки, если решите, что это не представляет для вас интереса. Всё ведь в вашей воле, мистер Пиларес. Мы лишь предлагаем вам свои услуги, а решаете вы, нужны вам наши услуги или нет.

В зал для приёма гостей ворвался профессор Покован с таким видом, словно он встретил в лице Освальдо Пилареса своего лучшего друга и невероятно счастлив этой встрече. Медсестра Скот увидев буквально влетевшего на крыльях счастья Покована так же оживилась и обращаясь к Пиларесу, и одновременно с этим показывая рукой на Покована, воскликнула:

– А вот и профессор Покован, он сможет ответить на ваши вопросы более компетентно. – повернувшись к Поковану и одновременно показывая рукой на Пилареса, произнесла. – А это, мистер Покован, наш дорогой гость, бизнесмен, мистер Освальдо Пиларес.

– Здравствуйте, мистер Пиларес! Много слышал о вас хорошего. Приятно познакомиться с таким успешным бизнесменом, как вы, мистер Пиларес. – почти пропел сладким голосом профессор Покован.

– И я много слышал о вас хорошего, мистер Покован. Так же очень рад нашему знакомству. – громогласно в покровительственном тоне протрубил мощным голосом Пиларес.

Покован вцепился своими тощими ручками в правую мясистую руку Освальдо Пилареса и весь затрясётся, то ли от невероятной радости, то ли просто трясушка на него напала. Освальдо Пиларес снисходительно кивая, то же слегка потряс вцепившиеся в его правую ладонь костлявые руки Покована. Наконец профессор Покован устал трястись и отлип, переводя дух. Потом отдышавшись заговорил, лъстиво глядя с низу вверх на Освальдо Пилареса:

– Как я понимаю, мистер Пиларес, миссис Скот уже познакомила вас с условиями крионирования в нашей фирме?

– Познакомила, мистер Покован, познакомила и признаться у меня возникли сильные сомнения, стоит ли вляпываться в эту авантюру с замораживанием себя после своей кончины, как смачно выразилась миссис Скот?

– Стоит, мистер Пиларес, ещё как стоит! Ведь что нас ждёт после этой самой кончины, мистер Пиларес?! А ждёт нас гниение и затем полное уничтожение всей нашей сущности. Ведь вы только задумайтесь, мистер Пиларес! Рождение, это ведь такая редкая удача! И вот вы родились, прожили чуть-чуть на этом свете, глядь в зеркало, а вы уже старик. Ведь жизнь так коротечна, мистер Пиларес. И вот на горизонте вашей жизни уже маячит полное уничтожение, растворение в небытии. Ведь наша жизнь действительно уж очень коротка, мистер Пиларес. И так обидно бывает, что она так быстро кончается. Особенно это обидно для таких успешных людей, как вы, мистер Пиларес! Но вот есть возможность исправить это недоразумение! Разве простительно будет упустить такой шанс?! Сколько бы это ни стоило, разве жизнь не дороже любых денег, мистер Пиларес?!

– Мистер Покован, я тоже умею пиарить. И когда мне нужно в парить какой-то товар денежному мешку, я тоже легко нахожу аргументы в пользу такой выгодной для меня сделки. Ну а как насчёт гарантий? Почему я должен быть уверен, что за мои деньги, через много лет, возможно даже десятилетий или даже столетий, я получу то, за что заплатил? Ведь как я вчера узнал, изучая деятельность таких как ваша крио-фирм, несколько подобных крио-организаций уже обанкротились и всех их клиентов кремировали, захоронили на обычном кладбище, и вот все их мечты о практическом бессмертии улетучились вместе с дымом во время кремации. Кстати господа, ведь это символично, я имею ввиду, как похожи эти слова, кремация и крионизация. Не кажется ли вам господа, что это заставляет задуматься о гарантиях и очень хорошо задуматься. Ведь я господа не совсем дурак, как возможно вам кажется со стороны. Да, замораживать мясо вы умеете. А оживлять трупы пока нет. Да что там оживлять трупы. Вы ведь, как я прочитал вчера в научной литературе, даже разморозить труп ещё не можете без того, чтобы не разрушить его уже окончательно.

– Размораживать, мистер Пиларес, мы как раз уже хорошо умеем. – возразил профессор Покован нервно подёргиваясь всем телом. – По крайней мере в нашей крио-фирме, за других тоже самое сказать не могу, но в нашей крио-фирме мы уже достигли в этом ощутимых успехов. Правда пока мы это делали только на животных. И тем не менее, из каждых ста замороженных свиней, у нас в среднем семьдесят шесть размороженных свиней остаются совершенно здоровыми. А это очень высокий показатель для таких опытов, мистер Пиларес. Лучший результат в мировой практике по крионике. А ведь человеческое тело разморозить без повреждений гораздо легче, чем свиную тушу. У свиней жиру то сколько и компактность выше, плотность всей массы. Так что успехи в этом деле у нас есть. Осталось только получить разрешение на проведение таких опытов на людях. На живых конечно людях. Трупы людей мы уже размораживали со стопроцентным успехом. Хотя трупы мы пока оживлять не умеем, это правда. Но это пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.